

В. Махотин:

СПАСИБО,
ДО СВИДАНИЯ!

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

**Владимир Головин
Светлана Абакумова
В. Махотин: спасибо, до
свидания! Издание второе**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282696
ISBN 9785448373152*

Аннотация

Славные восьмидесятые и патриарх свердловского андеграунда Виктор Махотин снова с Вами... Второе издание книги «Махотин: спасибо, до свидания!». Дополнено на пятьдесят процентов.

Содержание

Введение	6
Елена Маркина	7
Константин Патрушев	10
Евгений Ройзман	15
Миша Брусиловский	19
Александр Алексеев-Свинкин	20
Виталий Волович	21
Глава 1. Модернисты – молодцы!	23
Александр Верников	23
Андрей Вох	39
Вадим Дубичев	50
Ильдар Зиганшин	56
Евгений Касимов	64
Андрей Козлов	73
Перманентное творчество Виктора Махотина	77
Владимир Кузьмин	84
Вячеслав Курицын	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

**В. Махотин: спасибо,
до свидания!
Издание второе**

**Светлана Абакумова
Владимир Головин**

© Светлана Абакумова, 2017

© Владимир Головин, 2017

ISBN 978-5-4483-7315-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В. Махотин:

спасибо, до свидания!

В. Махотин. Рис. Кати Шолоховой

Введение

Уважаемые читатели! Перед вами книга о художнике Махотине. Это второе издание, исправленное и дополненное. В книге – новые авторы и новые рассказы о Викторе.

Книгу эту писали в течение двух с половиной лет сто сорок человек. Это художественный текст, а не законченное литературное произведение. Можно сказать, это ткань самой жизни... Настоящая творческая практика для каждого читателя, что длится и длится при чтении и обсуждении. А поговорить и обсудить есть что, – от екатеринбургских легенд о Махотине до научных трудов искусствоведов и философов.

Три раза книжка откладывалась до лучших времен. Один раз злопыхатель Б. стер макет. Но рукописи не горят. Книга встретилась со своими читателями!

Огромное спасибо всем, кто помог в издании этих замечательных мемуаров. Спасибо всем, кто продолжает помнить и любить Виктора Махотина. Спасибо всем его друзьям.

Составитель Светлана Абакумова

Елена Маркина

От редактора

Книга эта – дань памяти. Хор голосов. В ее создании принимали участие те, кто захотел это сделать. И люди пишущие, владеющие словом, и те, кто, возможно, попытались сформулировать свои мысли на бумаге впервые. Пестрое получилось издание. Но – «важен в поэме стиль, отвечающий теме...».

Круг общения у Махотина был неохватный. В его орбиту втягивались люди самые разные и по образованию, и по социальному статусу, и по мировоззрению и т. д. Мы дали возможность высказаться всем. Идея сделать книгу о Махотине зародилась спонтанно на аукционе в 2004 году.

Редактировать было сложно. Во-первых – эмоционально. Я вновь оказалась в атмосфере 80—90-х. Сопереживала, переживала, проживала вновь прошлое. Свое в том числе. Махотин не отпускал от себя людей. И рукописи – тоже не отпускали. Во-вторых, «причесывать» тексты не всегда поднималась рука. Порой ограничивалась минимальной правкой. Что-то меняла: некоторые материалы поступали в виде дословного переложения диктофонной записи, приходилось речь устную трансформировать в речь письменную. В-третьих, разнообразные версии екатеринбургских топонимов иногда приводили в замешательство. Та же «Метальная

лавка» для многих – Башня. С прописной буквы. Как место культовое, сакральное.

О Махотине много былей-небылиц рассказывалось. И мифотворчество продолжается...

...Махотин зашел к нам в издательство вечером. Накануне своего последнего дня. И я – его не узнала. Растерянный какой-то, притихший. Глаза – не улыбаются! Поздоровался – как в воду ледяную кинулся. И – молчит. Куртка – рыжая, рукава короткие. Напуганный чем-то, расстроенный подросток – такое у меня ощущение возникло. Альбом его уже почти готов был, редакторскую работу я завершила. Оставалось отправить пленки в типографию. Первое побуждение мое – нужно приободрить Махотина, успокоить его: что все здорово получается, альбом замечательный. И о работах самих мне было что ему сказать. Они меня поразили тем, насколько не совпадают с образом того Махотина, которого я знала – живущего здесь и сейчас и радующегося этому. В них столько одиночества. Персонажи – разъединены. Они не смотрят друг на друга. И на зрителя редко смотрят. И еще в его картинах много прошлого, в него художник погружен, оно объемно и осязаемо. И очень мало настоящего, оно неуютно и статично.

И – нет будущего. Завершает альбом странная, тревожащая работа «Рыбачок» – что пытается выловить в безвременье и пустоте этот нелепый и грустный человечек?

Работая над альбомом, я открыла для себя другого Махо-

тина. И когда он пришел – на самом деле другой, я растерялась. К тому же была занята, шлифовала с очередным автором очередную рукопись, и конца-края этому процессу видно не было. К тому времени, как я сумела освободиться, Махотин уже ушел. Незаметно исчез. Посмотрев макет альбома на компьютере. Ладно, думаю, потом поговорю с ним.

Не успела...

Работа над книгой о Викторе Махотине – в чем-то попытка частично исправить ситуацию.

Константин Патрушев

«Понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке...»

В августе 2005 года мне позвонила Света Абакумова и сказала: «Мы собираемся выпустить книгу о Махотине, в которой все, кто знал Витю и хочет о нем рассказать, смогут это сделать». И она предложила мне что-нибудь написать. Я спросил: «Сколько у меня времени?» – «Это не срочно, – ответила она, – недели тричетыре». Я обрадовался и согласился.

Несколько раз я вспоминал об этом и думал: а что же я напишу? Подмечать и передавать истории, как Женя Ройзман, я не умею, а писать о том, как я дружил с Витей, о том, как тепло относился к нему, мне казалось скучным и неинтересным для других. Один раз я даже сел и, морща лоб, стал грызть кончик ручки. «Не готов!» – успокоил я себя, промучившись час, и опять окунулся в свой привычный водоворот.

Света позвонила месяца через два – два с половиной. «Костя, ты что-нибудь написал?» – спросила она. В моей голове, как стробоскоп на дискотеке, замелькали варианты ответов. Света пришла мне на помощь: «Костя, ты, пожалуйста, поторопись, потому что мы хотим выпустить книгу до Нового года». – «Да, да, обязательно! – обрадовался я. – Я все сде-

лаю и сразу позвоню тебе!» – «Нет, – в голосе Светы послышались нотки недоверия, – я сама позвоню тебе». Дома у меня на всех стенах висят Витины картины и его фотопортрет. У каждой картины своя история. Я садился за стол, смотрел на них и вспоминал о каждой такой истории. Эти воспоминания были приятными, но казались мне неинтересными ни для кого, кроме меня. Я думал: это все равно что перечитывать письма, которые тебе писали 20 лет назад. За каждым из них стоит кусок твоей жизни и множество эмоций. Но они интересны только тебе самому.

Света звонила еще раз три-четыре. Она напоминала мне о книге и торопила, не скрывая уверенности в том, что от меня ничего не добиться. Я и сам уже готов был отказаться, потому что не знал, как начать, и не знал что, начав, писать дальше. Но думая о Вите, я все время задавал себе вопрос: что в нем было такого, что привлекало людей, которые всегда клубились вокруг него? Это были и те люди, которых он любил и уважал, и те люди, которых не любил. Были те, кого жалел, и те, кого просто терпел. Это были художники и военные, литераторы и плотники, бомжи и бизнесмены, священники и воры. Они все были разные – мужчины и женщины, порядочные и подлые, юные и пожилые, талантливые и бездарные. Всем было комфортно с Махотиным.

Он был самодостаточным и сильным. Не задавал вопросов, не давал советов, ни под кого не подстраивался, никого не судил. Любой человек чувствовал себя рядом с ним сво-

бодно, а уходя, все внутренне от него наполнялись. Он был созидатель в широком смысле. Я тоже любил вечерами приезжать к нему в гости домой или на работу. Мы всегда сидели и пили чай, иногда с коньяком, и много беседовали. Острый ум и чувство юмора не только компенсировали Витину косноязычность, но и делали его речь самобытной и яркой. Как-то мы с Женькой Ройzmanом забрели к нему в гости, и за чаем завязался разговор о порнографии в живописи.

– В живописи не может быть порнографии, – сказал Витя, – потому что..., потому что... – Он достал полбутылки вина, разлил в три стакана. – Так о чем это я? Порнография... порнография... ах, да, о женщинах... Да, женщина – это альфа и омега, женщина – это святое. Чего хочет женщина, того хочет Бог!

– Вот смотри, Женька, может же человек четко и аргументировано мысль выразить! – сказал я смеясь.

– А потому что граф! – сказал Витя и заразительно расхохотался.

Света Абакумова последний раз позвонила в феврале 2006 года. Она раздраженно сказала: «Костя, все уже готово к набору, все лежит у Юли Крутеевой в журнале „Колумб“. Юля говорит, что будет ждать твой рассказ, но ты же все равно ничего не напишешь, раз с августа ничего не написал. Позвони, пожалуйста, Юле, скажи, что ты не будешь писать». Я помолчал и ответил: «Хорошо, Света. Я в течение недели или что-нибудь напишу и передам Юле, или позвоню и ска-

жу то, о чем ты просишь». Когда я положил трубку, я точно знал, как я начну свой рассказ.

Вообще, я познакомился с Витей в 1989 году. Социализм потихоньку сдавал свои позиции. Накатывалась свобода, было предчувствие чего-то нового. Все, что было нельзя, стало можно. Тогда-то и появилась Станция вольных почт – постоянно действующая выставка художников Свердловска на Ленина, 11. Весь художественный и поэтический андеграунд прошел через нее. С того момента и до самой смерти Вити прошло всего 13 лет, но это была целая эпоха. За это время поменялось все: страна, город, и все люди тоже поменялись. Но в Вите был таинственный стержень. Его ничто не меняло. Та же комнатка на «Ирбитской-стрит», тот же чайник со стаканами для чая. Тот же рабочий хаос в мастерской, та же одежда, прежнее жизнелюбие, остроумие и то же состояние наполненности после общения с ним. Менялись лишь картинки на стенках – видимо, кто-то дарил ему что-то новое, а старое раздаривал он сам.

Никто и никогда не сможет сосчитать, сколько картин написал Витя, потому что они расходились сразу же, иногда даже бывало так, что картина еще не написана, а уже кому-нибудь подарена. И все деньги, которые появлялись у него, он тоже раздавал. Себе он покупал только чай, хлеб и краски. Таким он был всегда, пока был жив: еврей по паспорту, русский по духу, простой и талантливый, лучше всех понимающий жизнь, невысокого роста, с огромным сердцем.

Света больше мне не звонила. Ничего. Все равно книга о Вите Махотине скоро выйдет, а еще чуть позже будет открыт музей – первый частный музей художников Урала. Он будет называться «Музей замечательных художников». А откроет его друг Вити – Женя Ройзман. И будет этот музей носить имя Виктора Федоровича Махотина. Хорошего художника и большого человека.

Евгений Ройзман

...Всю жизнь он ждал, что выйдет его альбом. Когда мы уже его собрали, Витя сам занимался правкой и цветокоррекцией. В четверг вечером он закончил. В пятницу умер. На следующий день после того, как Витю похоронили, рухнул его дом.

Светлой памяти Вити Махотина посвящается этот рассказ.

ПРО ДЕТЕЙ

Когда я был президентом фонда, день заканчивал очень поздно, потому что ездил на Белоярку, заезжал на Изоплит в реабилитационный центр и только после этого, полностью высушенный, почти ночью, ковылял домой.

А Витя Махотин жил прямо по дороге, на улице Ирбитской. Витя называл «Ирбитская-стрит» и добавлял что раньше он жил на «Финских коммунаров-стрит».

У меня руль прямо сам туда поворачивал. Я стучал кулаком в стенку, заходил.

Витя жил небогато, но очень чисто. У него в комнате была куча книжек и картинки. Картинки он мне дарил (а я еще, болван, кочевряжился и не всегда брал).

Мы с ним чаю заварим в эмалированных кружках. Пряники, сахар. И сидим, о жизни разговариваем.

А тут как-то Витя достал альбом с фотографиями.

Я смотрел, смотрел:

– Витя, а сколько у тебя детей?

Не задумываясь: – Восемнадцать.

Я взвыл:

– Витя, ну хорош врать! Если б ты сказал «пять», ты б меня уже убил наповал. Ну скинь немножко!

– Хорошо. Шестнадцать. Но больше не скину, даже не проси! – Вскочил. Борода всклокочена. – И не вздумай торговаться, я против истины не пойду!

Я говорю:

– Ну, хорошо, перечисли.

– Лешка, Петька, Ленка, Илюху ты знаешь, Анька, Вовка, Прохора ты знаешь, Серега, Клавка...

Бормотал, бормотал загибал пальцы – сбился.

– Слушай, – говорит, – я ведь тебе наврал. Похоже, все-таки восемнадцать.

Я тем временем фотки смотрю:

– Витя, ты сколько раз был женат?

– Восемь. Или девять. Вот здесь точно не скажу – соврать боюсь.

Показываю фотку:

– А это кто?

– О! Это Светка! Как я ее любил!

– Это что, мать Прохора?

– Нет, мать Прохора – другая Светка. Я ее еще больше

любил! Это Ленкина мать.

– Так это она к тебе с дочкой тогда приходила?

– Нет. С дочкой Юля приходила.

– Это с которой у тебя еще в детдоме любовь была?

– Нет. В детдоме у меня была любовь с Танькой... Как я ее любил!

Я растрогался:

– Витя, – спрашиваю, – это была первая любовь?

– Что ты! – отвечает. – Первая любовь вот – Аленка!

Выхватывает фотку: стоит испуганная девочка с мишкой в руке, мишка свисает до полу.

Начинает мечтательно:

– Ей было семь, а мне восемь...

– Так ты же говорил, что она была взрослая!

– Это не она была взрослая! А наша воспитательница Элла Герасимовна! Но это было уже позднее... – А это кто, твой друг?

– Какой друг! Это мой сын!

– Так это который от Розки?

– Ну, ты даешь! От Розки – Илюха! А это Ваня от Лили.

– Вот это, что ли, Лилина фотка?

– Это не Лилия! Это Генриетта! Я ее до сих пор люблю!

– А это чья фотка? Бамс меня по руке!

– А вот этого не трожь! Могут у меня, у взрослого человека, быть маленькие тайны?...

Конечно, Витя прикалывался. Потому что имена каждый

раз менялись. Но получалось у него очень складно и красиво.

Когда Витя умер, его отпевали в Михайловке. Было огромное количество безутешных женщин. Я такого не видел нигде.

И совсем по-другому плакала красивая рыжая девчонка, похожая на Витю. На самом деле у Вити трое детей: Илья, Прохор и Клава...

Миша Брусиловский

Мастер из «пизанской» башенки

Мне восьмой десяток. Этого достаточно, чтобы быть благодарным Господу за его доброту. Но время приносит и много горьких событий. Самые горькие из них – безвременно ушедшие друзья.

Одним из таких близких для меня людей был Витя Махотин. Не в том дело, что он был замечательным художником, самобытным, ярким, а в том, что он соединял судьбы и движения многих знакомых мне из этого мира и из других цивилизаций. Его трон стоял в центре города Екатеринбурга, в нашей «пизанской» башенке, мимо которой нельзя было пройти, не получив от Вити что-нибудь на память.

Он ничего из себя не изображал, а всегда был очень естественным. Когда я шел к себе в мастерскую, я всегда заходил в эту пизанскую свердловскую башню. И, когда заставал там Витю, ощущал, что пришел домой. Там была очень своеобразная атмосфера. Витя был необычайно радушен. Он оставил нам то «нечто», что трудно сформулировать словами. Это «нечто» теплое, цветное, от него исходит свечение. И когда к этому возвращается память, это превращается в нашего Витю Махотина.

Александр Алексеев-Свинкин

Человек божественного характера

Не помню, как мы познакомились, – может, и не знакомы даже вообще. Вижу, человек со мной здоровается. Встречались с ним мало, всего несколько раз – у Воловича на дне рождения в мастерской. И один раз пили пиво в комнате его в Музее фотографии.

Я вообще не знал, что он художник, что он рисует. Думал, что он организатор выставок, музейный работник. Человек божественного характера. Полгода назад я увидел книгу, альбом «Виктор Махотин», и был удивлен. Некоторые картинки подкупают. Способности были, и энергетические задатки были. Собственный стиль.

Виталий Волович

История валторны

Мир Вити Махотина привлекал атмосферой свободной художнической жизни, яркими чертами артистической богемы. Общение, споры, дружеские застолья были не менее важны и существенны, чем сама работа.

В какой-то степени мы были разделены возрастом, средой, образом жизни. Но все границы стирались его открытостью и доброжелательностью. Он подкупал необычностью характера, своеобразием личности. Он был неправдоподобно добр. Ему доставляло особое удовольствие делать подарки. И он невероятно радовался, когда это удавалось.

Однажды у него в башне (не в музее, а наверху) я слегка задержал взгляд на висевшей на стене валторне. И валторна тотчас же оказалась у меня в мастерской.

И так случалось всегда. И со всеми. А внизу, в башне, всегда находилась рюмка водки, ждали живой разговор, редкая книга, необычная вещь. И люди туда заходили самые разные и самые неожиданные. И Витя Махотин, одухотворяющий пространство этой башни, был для них символом общности, братства, их принадлежности к этому особому и притягательному миру.

Витя был человеком знаковым. Из той редкой и почти исчезнувшей породы чудаков и оригиналов, которые украшают

город, вырывают его из унылости и одинаковости. Придает особое своеобразие его художественной жизни...

Глава 1. Модернисты – молодцы!

Александр Верников Люби так, чтоб птички дохли!

– *Как вы познакомились с Витей?*

– Я даже не помню, при каких обстоятельствах это произошло. И вообще, мы скорее издали знали друг о друге. Я не бывал на тусовках очень долгое время; на Ленина, 11 появлялся эпизодически. А впервые я пришел к нему в 1991 году на день рождения.

Помню, я тогда решил поголодать. Всю жизнь ел, а тут дней пять голодал – и нормально себя чувствовал. Говорят-советуют: нужно плавно выходить. А я пришел к Махотину и там наелся всего, и ничего плохого не было. Мне потом говорили: «Это потому, что у Махотина – он такая личность, что сплошное благо!»

А еще я вообще не пил в то время и у него тоже не пил. Но как-то было весело и как-то богемно. Мне не очень нравились такого рода встречи пока просто не выпьешь как следует, а в этой компании я не выпивал. И потому часто там не оказывался.

А потом, когда мы встретились с Ириной Трубецкой, мо-

ей настоящей женой, Махотин оказался ее давним другом. И автоматически приблизился, через нее. Виктор был у нас на свадьбе. Свадьба была довольно странная – в издательстве, где Ирина работала. Он пришел, подарил картину художника по фамилии Кодатко. Я не знаю, где он ее взял. Приволок.

На картине мужчина изображен, у него женщина сидела на коленях, странным образом похожая некоторыми анатомическими частями на мою жену, соотношением определенных моментов. Но мужик совершенно не был похож на меня, он был похож на одного московского писателя – Володю Шарова. Она сидела на коленях у него – голая – и закрывала ему причинное место, соответственно, своим сиденьем. Он сидел очень прямо, ноги в таз опустив, и какой-то кубик там был для бросания при игре в кости, и дохлая птичка валялась. Махотин подписал эту картину: «Люби так, чтоб птички дохли!» – и огромный букет алых, скорее даже бордовых, роз подарил.

Встречались и когда я заходил на Ленина, 11. В поисках Тягунова, например. Там была специальная табличка, изготовленная Махотиным: «Тягунов не заходил!» Он ее мне показывал.

– *Какие впечатления от встреч были самыми яркими?*

– ...Он, когда меня видел, – всегда такую радость испытывал! Я все время несколько терялся от того, что человек, видя меня второй раз в жизни, ну может в третий, так радуется.

Но потом я понял, что он ко всем так относится.

И все люди, что говорили о знакомстве с ним, — они все ощущали примерно это же. Я специального опроса не проводил, но это было видно. Он так радовался, как будто он тебя ждал давно, хотя умом понимаешь, что ему никакого дела не было до тебя: он стоял себе или проходил где-то мимо — и вдруг начинал такую активность проявлять, шебутиться. Если в музей Свердлова я заходил, он сразу начинал чай — 10-го созыва, не иначе, — ставить. Быстро доставал какие-то конфеты, варенье. Не просто вниманием своим удостоит, поговорит, а вот... Прямо не мог без этого. Он не мог, если не даст тебе в ручку что-то материальное. Обязательно находил что подарить. Я помню, на своем дне рождения он пытался мне всучить тетради с кабалистическими записями. Я их, кажется, сначала принял, а потом вроде бы и оставил там. Поскольку народу много было, никто не заметил.

У него был дар дарить. Да. Он смотрел на тебя, и видно было, что у него начинало быстро что-то щелкать, он в памяти своей начинал искать: что тебе, — как он тебя видит — подходит? И что из того что у него имеется, он может подарить? Надо что-то где-то быстро достать. (Он виллу бы тебе подарил или яхту, но их не было у него.) И он говорил какие-то слова при этом — *тебе вот это*. И, надо сказать, часто это здорово у него получалось.

Уже когда он обосновался на Плотинке, в этой кузнице, я пару-тройку раз к нему заходил, проходя мимо. И как-

то мы с Ириной и с детьми шли на выставку, была тогда выставка экзотических насекомых рядом. И зашли к Махотину. Он стоит у Башни: «О, Ирка, привет!» Я уже не помню, как он меня называл – Саня или Кельт? И тут же начинает рыть-ся-рыться и достает амулет – такая вещь шаманская, из бронзы сделанная. Пермский звериный стиль. Видно было, что это настоящий амулет, и видно что не вчера сделанный... Он такой увесистый, приятно было получить его от Махотина.

А потом пришел к нам в гости художник Валера Дьяченко и сказал, что сегодня день – особенный, такой бывает раз в тысячелетие. 9-е число 9-го месяца 1999 года – пять девяток. Мы говорим: да вот, таких жутких тварей видели. И Махотина – он нам подарил такую штуку.

Я с этим амулетом долго не расставался, но в итоге перестал его носить.

Внимательно рассматривал, там такая прыгающая то ли рысь была, то ли лось – как посмотреть. Я потом стал разглядывать не фигуры, а пустоты, вырезал трафарет. Складывал пустоты, и у меня получалась фигура шамана камлающего. Можно было увидеть женщину. Потом давал людям – как тест Роршаха. Известный тест – пятен или свободных ассоциаций, на что мол это вам кажется похоже.

Можно смотреть на свет, можно – на тень (я посмотрел как на тень). Такое заделье было. Я б все равно это где-нибудь увидел. Станный такой подарок. Но от Махотина такое втройне приятно было получить.

...Как-то я привел к нему одну немку.

Пожилую вдову одного поэта немецкого, которую я привозил в наш город. Она что-то накупила, а Махотин пытался ей еще и камушки всучить. Немка эта сказала, что Махотин на Ленина похож. У нас, отвечаю, много людей в России на Ленина похожих. Но он был похож очень – и ростом, и энергетикой. Только не творил таких вещей в таком масштабе.

– *Что вы думаете о Викторе Махотине как о художнике?*

– Сегодня, когда я на пони смотрел у Театра кукол, я подумал: как хорошо быть художником наверное, если ты им стал. Просто лошадки с султанами на головах – и не надо ничего выдумывать. Вот они стоят – и их можно запечатлеть.

Ведь в чем разница между картиной и фотографией? В отношении, которое художник неизбежно вносит. Даже если фотографически копирует – он отношение свое вносит. Вопрос в том, насколько он трансформирует мир.

Витя трансформировал мягко. Не так, как Кандинский, допустим, или там Сальвадор Дали. Я терпеть не могу Дали, считаю, что он – отстой. Насколько Магрит – прекрасный художник, настолько Дали – полный отстой. Сплошная выдумка, выпендрож! Вот Кандинский – из *таких* – удивительный художник.

Дело в том, что я художественную школу окончил, сам рисовал неплохо. Я мог бы стать художником, но я не знаю, чем бы это закончилось. Я могу сейчас нарисовать дерево,

человека.

Дальше – нет, конечно.

Витя потрясаяще передает свое отношение – мало кто любовь умел передать так, как он. Я здесь многих художников знаю. И мне интересны всего несколько человек. Давно-давно, в 80-е годы, нравились отдельные работы Языкова (потом, когда я в большом количестве их увидел, – это уже было не то).

Несколько ранних работ СЭВа, просто ошеломляющих. «Взгляд на палача»... эта его работа. В кинофильме «Возрождение» я увидел такой взгляд у нашего актера Б. Плотникова. СЭВ – Сергей Видунов – бывал у меня в гостях, приходил ко мне в последние годы. Где он сейчас, что с ним – не знаю. (*Художник Сергей Видунов умер зимой 2004 г., замерз на улице.* – С. А.)

У СЭВа мука была Достоевская, и это острое – неприятие мира страшное, несогласие очень сильное, – в этом его сила была. И желание, чтоб его кормили, носились с ним, и в то же время – нежелание работать на это, создавать имидж, как другие художники делали. В общем, он по сравнению с Махотиным – как небо и земля. Много в нем было – и гордыня дикая... Сложный СЭВ был человек.

Мне не нравятся ни Брусиловский, ни Волович, – вообще не нравятся. Первая выставка Брусиловского – в 1981 году, ее КГБ разрешил, – тогда это было что-то. Ну а потом поздние – нет, никак. Это настолько неживое все. Мастерство да,

но... неживое.

А Махотин – он, казалось, не старался вообще, в нем не было этой печати величия – ни в нем самом, ни в его картинах, но там был гений.

Он был гением без величия. И в нем была эта совершенно живая жизнь.

Помню его большую выставку, которую ему Ройзман устроил. В Музее молодежи. Махотин так всех обнимал, радовался. Это одновременно было и душевно, и как-то по-домашнему.

Он мог быть художником! У него удивительные композиции – насколько я это вижу. Что портрет, что дерево, что пейзаж – они все живут! Он, казалось, не работает над цветом, но в его картинах все это есть! Он словно показывает: я могу, но зачем? Есть ведь еще что-то, – этот заряд любви и видения. У него на картинах все люди – великие. Каждый, кого он изображал, – уникален, и каждый – велик! И в то же время – они все *такие зверушки*. Все люди – зверушки. Все они – такие живые, и он всех так любит! И вообще я не знаю ни одного человека, который бы про Махотина говорил плохо.

Он мне очень нравится как художник. Но в то же время когда я смотрю, например, Кандинского, я вижу, что там что-то такое нечеловеческое есть, что-то сквозит такое вот. Или того же Константина Васильева, которого я очень люблю, хотя его многие ругают и считают кичем. Это совсем не Глазу-

нов, хотя их, бывает, сравнивают. Это другое. У Васильева – мощь, трансфизический план...

У Махотина нет этого. Его никогда не тащит в космическую сию тему. Он чуть-чуть намекает на это – и все. То есть этого величия нечеловеческого, неземного, он либо не может показать, либо... старается избегать.

У него какая-то счастливая грань есть – как у Пушкина что ли? *Близнец*, в принципе, – знак гениальности и... поверхностности... Но это та еще поверхностность. Есть люди просто *в дугу* поверхностные. А есть поверхностность второго или третьего порядка – уже с преодолением глубины. И человеку такому низачем эта глубина, и эти бездны ни к чему. И Махотин один из тех был, кто мог представить это в снятом виде. Я много его работ увидел, и они мне все нравятся. (Хотя нет, одна работа на самом деле не нравится – мрачная такая. Она называется «Молодость»... Там женщина изображена с огромным задом и худой мужик. Ну – это из ранних его картин.)

– У вас есть *Витины работы*?

– Да, несколько. На одной – лошадка стоит, большая, низкорослая. С трубой. И труба маленькая лежит – горн пионерский.

Потом – ротонда, девушка купающаяся. И деревья – такие как он рисует их, – с толстыми стволами, и кот сидит.

Во всех его работах – магия невероятная, очень теплая. И в триптихе, и там где эти колдуньи деревенские... Он

очень хорошо их знал, но никогда не акцентировал это. Раз – и сделал. И необязательно она летает над поселком! Может и не летать. ...И там даже, где семья сидит с мальчиком, в синем триптихе, это все присутствует, всюду это есть.

Его работы словно бы выплывают откуда-то, они – как посмертные картинки: если человек находится в состоянии клинической смерти или близко к этому, то память вдруг освобождается, химические замки в мозгу снимаются, и возникают удивительные образы. И эти картины-видения остро-ту имеют очень сильную, бьют прямо в чувство. Ведь в ситуации *ухода* сознание-анализатор отключается, человек только видит, и те чувства, которые тебя связывали, которые он сдерживал, – они уносят, поглощают его целиком. И у Махотина есть такие вот вещи – как будто видишь их перед смертью. Они не очень яркие, в них нет сильного акцента.

Например, «Операция» – это же моментальный снимок! И все – с такой любовью! Все – абсолютно.

«Кот и лиса» – ой, это что-то! Или два кота идут, обнявшись. Просто чудо!

«Магический» художник Михаил Сажаев – это не то. При всем том что он очень красив – на первый взгляд, – и у него есть вся эта замануха – теплота, каравайность и рождественскость. У Махотина как-то все проще, человечнее. Как-то прямее, честнее. Я не знаю, как он работал. Наверное, быстро? Мне кажется, он находил часы для работы, но не то чтобы выделял себе время. Он мог сосредоточиться, сказать:

я сейчас работаю, не мешайте, уходите. Но никто не уходил. И это самое главное.

И я помню отпевание в церкви...

И что мало кто скорбел на самом деле...

– *Мне показалось, что все плакали. На видеопленке – все плачут.*

– Плакали, – да, может быть, но чтобы кто-то скорбел и убивался – нет. Что-то в этом было светлое. Все равно ж человек покидает эту жизнь – так или иначе.

– *Он же не успел все сделать.*

– А что значит – все? У человеческого ума есть свойство – представлять реальность в модусе: *Бы, Было бы*. Эта способность дурачит почти всех людей. Есть только так как есть. И я не видел Махотина в последние дни, даже не помню, за какое время до его ухода мы виделись.

Мне рассказали, как Махотин умер: еще накануне заходил в издательство, узнал что все нормально, что альбом будет, и немаленький! Вернулся домой, встал утром – и... Инфаркт, инсульт – что это? Такая смерть, мне кажется, – одна из лучших. Раз – и все.

Витя был общественный человек. Я с удивлением узнал, что он когда-то сидел. Что за легенда, я не знаю. В нем абсолютно ничего «зэковского» не было, никаких этих прихватов. Удивительно, что его это не сломало, а, наоборот, только закалило. И то, что он к людям так относился.

Я не знаю, мог ли он сосуществовать с кем-то долго и бы-

ли ли у него предпочтения. Наверное, были... Ирина, жена, говорила мне, что у него отеческий был подход. К женщинам, к детям, к людям вообще. Быстро дать, накормить как-то, сделать что-то приятное – все сразу и быстро.

Люди пытаются избавиться от *эго*, стать хорошими, добрыми, щедрыми – и у них плохо получается! А у Махотина это получалось. При всем том, он никогда ни к никакой праведности не стремился и к святости тоже – в расхожем толковании этого слова. А вот у китайцев в понятие «святой» вкладывается иной смысл. Святой – значит *естественный*. Естественные люди – это такая редкость! По разным причинам человеку очень трудно оставаться в обществе естественным, в том числе и при межличностных контактах.

Мы с ним на самом деле очень мало общались, но всегда казалось, что он меня очень хорошо знал, и я его тоже очень хорошо знаю.

– *Он прозу вашу раздавал. Говорил: почитай, очень интересно...*

– Да! И это тоже очень удивительно было! Он, наверное, не только мои книжки раздавал... Меня поразило, что он читал мою «Калевалу».

– *У него была огромная библиотека, он прочитал много книг, в том числе китайских...*

– ...Мне нравилась естественность его работ и то, что в них всегда имеется какой-нибудь поворотик. Например, «Кулачный бой», где беременная женщина, (возможно – мо-

нахия) из окна наблюдает, как бьются на поединке кентавры!

Или «Мужики с котами» – какой-то драматизм в этом. Ну что они там с котами делают? Мужики с котами! Картина – супер! А само название! Очень мало похожи эти ребята на мужиков. Особенно тот, слева, – молодой человек в профиль с интеллигентным лицом. «Мужики» – это несет нечто другое, другой смысл.

Или две беременные женщины у окна, старая работа («Сумерки». – С. А.).

Музыка есть в этом во всем. Или серия «Сиреневый туман». Там, где зэк в поезде сидит. Снег идет. И стоят его жена и ребенок за окном. Мне кажется, он уезжает... Ох, какая музыка там звучит!

Это значит, что у него сердце открытое было. Все, кто хоть чуть-чуть отрывался, знают: есть определенные центры в тонком теле человека. Сердце – это не просто стучит там. Это другое. Они, центры, связаны.

Когда они открываются, человек воспринимает жизнь как перед смертью, тогда он все любит. То, что есть, – он все любит. Когда центры закрыты – можно действовать. То есть центры эти должны быть закрытыми, чтобы человек действовал.

У Виктора центры всегда были открыты. Вернее, – приоткрыты (если они полностью открыты, то человек вообще ничего не может делать – он идиот, как Идиот Достоевского

(его состояние можно описывать в четких медицинских терминах). И потому картинки Махотина все наполнены пронзающим души светом – особым. Когда так воспринимаешь мир, ощущаешь огромную ценность момента. Он всякий раз такой – и больше никакой! И от этого тебя эйфория охватывает, пьяным становишься (вот это состояние в живописи Махотина отчетливо прослеживается, у него это было).

Когда со мной это случается, я не могу действовать, я плачу в этот момент, я теряю силы. А он мог нормально делать что-то и *это* все время в себе нести.

– *Один искусствовед мне сказал, что работы Виктора ему не нравятся – ничего он в них не находит. Художник, мол, Махотин несильный... А я ему предлагаю: а вы напишите об этом.*

– Да, конечно. Пусть будут разные памяти. Замечательные люди становятся заметными, их нельзя не заметить – именно замечательных людей. Такая судьба, как у Вити, – она светлая просто.

– *А как ее можно охарактеризовать? Что у него за судьба? Ну жил человек и жил.*

– Он кроме этого еще рисовал. Он – художник еще. Вообще, художник – что это? Я понимаю – писать о мире, ты в слове трансформируешь то, что дано чувственно напрямую. Ну а рисовать-то – что это такое? Что-то есть, ты видишь это – и создаешь явно копию, упрощенную.

– *Все же не так!*

– Все не так, да! Тем не менее ты самовыражаешься: та любовь и та ярость, которые в тебе в этот момент есть, они становятся частью выражаемого. Если смотреть широко и не делить – жизнь или искусство, то искусство – это часть сущего.

Все эти артефакты – это такие же предметы, вещи, как все остальное...

– *Они лучшие.*

– Иногда лучше, иногда хуже. То, что делает художник, – это агломерация, обогащение. Он пропускает увиденное через себя. Творец – это обогатительная фабрика, если уметь воспринимать...

– *Художник не копирует мир – он свой мир создает.*

– Естественно, это так. Он передает свое отношение. Я говорю о том, что он все равно не может творить из ничего. Он перерабатывает, перевоссоздает то, что уже существует...

Но он делает это не только частью своего внутреннего мира, в этом могут поучаствовать другие. Он творит не так, как господь Бог. Хотя, конечно, художник может и забываться, и это тоже его божественная функция. Главное – тот посыл, который каждый художник закладывает в свои работы. Либбо: *Я так вижу, и больше никто не видит, поня-я-л?!*» – это одно.

Другое дело – то что мы все видим это, но не можем выразить. А вот он, Витя, это передал, да! И сразу какая-то сердечная связь устанавливается, что-то родное чувствуется.

Не то чтобы он нам весть принес. Мы и сами это всегда, в общем-то, знали. У нас не получалось, таланта не было, не видели так – разные могут быть причины. А тут – раз! – и как здорово что это есть и в таком виде. Он чуть-чуть завершил.

Да, художники кого-то учат видеть. Кого-то, наоборот, отворачивают от внешнего мира (бежать в галереи и там смотреть!). Некоторые ходят в кино, чтобы видеть, просто видеть. Функцию зрения включать на полную катушку. Если человек не может видеть окружающий мир в повседневности – надо ходить в кино, так многие люди устроены. А художник не может не писать.

Я был тронут, что Виктор принес к нам на свадьбу картину и этот огромный букет роз. Я это сначала воспринял как себе подарок, а потом понял: нас же двое! Она его старая знакомая – моя жена.

Витя вызывал чувство, что он к тебе лично очень хорошо относится, что он тебя любит, добра тебе желает. Он, Витя, видит лучшие твои стороны, он хочет тебе напомнить, что он видит в тебе то, что ты сам ценишь очень, чем тайно гордишься... Например, Кальпиди видит человека как культурную единицу: нужен /не нужен. При этом Кальпиди, конечно, двигатель культуры, он очень много делает.

Витя тоже двигал культуру, но – не так. Он делал это как бы между делом. И никакой славы Махотину за это не было. Никаких труб и воспеваний. Не говорил он: это мой проект! это я сделал! Все получалось, казалось бы, само со-

бой. Он не мог без этого – это было частью его жизни. Человек, у которого открыто сердце, не знает страха... Витя не боялся жизни совсем; какие-то страхи были, – у кого их нету, – но в общем и целом не боялся.

– Витя ушел, Сергей Нохрин ушел, Роман Тягунов, Олег Еловой – они как-то все разом ушли, когорта славных людей.

– Ушли, а что плакать. Дело в том, что у меня ни к одному из покойников нет такого отношения. Если человек уходит, то это все! Если это произошло, то уже произошло, я могу этого человека продолжать любить. Но жалеть что его здесь нет рядом со мной, – это для меня невозможно.

– А насчет себя можете то же самое сказать?

– Насчет себя – тем более. Я уже много раз умер, для меня поэтому не нужно это акцентировать.

Беседовала С. А.

Андрей Вох

Спешите делать добро!

— *Мы готовим книгу о Вите. Мог бы ты рассказать о нем что-нибудь?*

— ...На сороковой день мы поминали Витю Разгуляя, — Витю Гуляева. Все шумели-галдели, вспоминая, перебивая друг друга. Витя Махотин был на редкость молчалив, периодически вместе со всеми выпивал, а потом вдруг соскочил и закричал: «Я вам говорю! Спешите делать добро! Спешите делать добро!» И после этого опять почти не разговаривал. Я думаю, что под этим лозунгом он и жил, спеша делать добро.

— *Вы были друзьями?*

— У Вити с каждым годом друзей все больше и больше будет. *(Смеется.)* Точно. Он меня очень однажды поддержал. Я был на грани нервного срыва. Если б не Витя, думаю, могло бы быть хуже. Тогда он занимал все мое время, мы с ним каждый день виделись, чтобы мне не оставаться один на один с собой. Идешь с ним по улице — с Витей очень часто можно было так вот гулять без определенной цели, — и оказываешься свидетелем очередного доброго дела. Выходим как-то из мастерской одного художника, где мы были в гостях, Витя говорит: «Стоп, вернемся! Мне нужно взять кое-что». Что-то кладет в сумку, и мы идем дальше, беседуем, уже полчаса прошло. Вдруг Витя останавливается и начинает свистеть.

И откуда-то из-за гаражей выбегает дворняжка, причем она так виляет хвостом, что хвост, кажется, вот-вот открутится. Витя, выходит, знал, что по пути будет эта собачка, и вернулся за суповыми косточками.

Судя по радости дворняжки, она регулярно подкармливалась им.

Он мог по пути сказать: «Ой, подожди, надо тут одной старушке денежек подкинуть». И мы заходили, и оказывалось, что надо тут 200 рубчиков бабке одной дать просто на жизнь. А эта бабка ему никто. Просто когда-то он с ней познакомился, узнал, что она бедствует и надо ее поддержать. Это так было – *добро мимоходом*.

– *Где ты познакомился с Витей?*

– Я познакомился с Махотиным при туманных обстоятельствах – будучи в гостях у Вити Сергеева. Произошло это спонтанно, и была только одна бутылка водки. А потом мы с Витей ушли вместе. Но слышал я о нем еще года за полтора до нашей встречи, причем самые противоречивые отзывы. Думаю, это был 1985 год. Еще больше мы сблизились на Ленина, 11. Я близко жил, мог прийти в двенадцать, в час ночи, до утра с ним общаться. Обсуждать какие-то жизненные ситуации. И надо сказать, у меня мастерская там была, крошечная такая. Об этом мало кто знал. Прямо у входа – дверь налево. Я в ней «красил» немножечко. В то время в России формировался аудиобизнес, и я этим там тоже занимался. Тогда свобода была бескассовая. Часть прибыли отдавал на-

верх, на расширение всего мероприятия, такая у нас была договоренность с Львом Хабаровым. У меня – точка приема была, точка сдачи заказов – точка сбыта. Музыка разная, – рок в основном.

– *И в рок-клуб ты ходил?*

– Я был знаменит тем, что туда не ходил. Единственный рокер, который его не посещал! Только этим и был знаменит! (*Смеется.*) Как написал журнал «Рок-мюзик», кажется, не помню название точно, это был один из первых рокжурналов в стране, я – «экс-оппозиция свердловского рока».

– *Витя много для тебя значил?*

– Вот в книге «Маргиналы» написали о Вите, но ни одной его фотографии не поместили. Я вообще считаю, что если в книге о Екатеринбурге не написано о нем, то эта книга не о Екатеринбурге!

Мне достаточно сложно говорить о Вите, потому что все наши разговоры носили глубоко личный или религиозный характер и связаны были с какими-то перипетиями нашими жизненными. Именно поэтому я эти разговоры не могу выносить на публику.

Мы могли говорить о суфизме, о новых религиозных движениях, о разнице между христианством и мусульманством. Как правило, темы разговоров были связаны с личными воззрениями и переживаниями, поэтому достаточно сложно эту тему выставлять на всеобщее обозрение. Сам я считаю, что вся его жизнь – это образец именно христианской жизни,

христианского понимания служения людям. И во многом, я думаю, его жизнь является более религиозной внутренне, чем жизнь некоторых ортодоксов, *внешне* глубоко верующих людей. Я читал у одной прорицательницы, что на землю явится грешный Христос, в одном из своих проявлений. Мне иногда кажется, что грешный Христос должен жить именно Витиной жизнью.

То есть – ты грешник, и одновременно вся твоя жизнь является выполнением христианского долга. И надо сказать, что понятие развратник к Вите неприменимо, развратником он никогда не был. Он был глубоко порядочным, потому что все девушки у него были по порядку.

...У меня был сложный период в жизни, связанный с девушкой. И он мне тогда сказал: «Ты знаешь, я всю жизнь пытаюсь их понять, и у меня были девушки, я был в молодости довольно симпатичным, и я их так и не понял!» Я думаю, что он очень хотел понять. Ему, мне кажется, очень не хватало какой-то детской идеализированной матери, идеального человека женского пола. В глубине души он искал его. Но... сказок не бывает!

– *О Вите много легенд ходит...*

– Я могу рассказать несколько баек – вдруг о них никто не вспомнит. Одна отом, как мужик приехал с севера и в самолете очень нажрался – в застой это было. Он вышел из самолета, допер до такси глубокой ночью и, засыпая, сказал «К Махотину!» А таксист ответил: «А, знаю!» И отвез

его прямо на Иrbитскую.

Или еще вот. Витя возил одну из первых приехавших сюда французских групп на экскурсии – от музея. То ли в баню, то ли еще куда – на автобусе. Суть в том, что они все записывали. Ручкой. Все спрашивали и все записывали. А он уже так устал от них под конец, что только отшучивался. И вот едут они мимо картофельных полей с турнепсом или чем-то еще, и французы спрашивают: «А чьи это поля?» Витя говорит: «Маркиза Карабаса».

И они записывают: Маркиза Карабаса...

Мы еще мало знаем московский период жизни Вити. Думаю, он оставил там не менее глубокий след, просто мы с этими людьми не соприкасались.

Помню, в 1992 году мы с ним в Москве общались. Он был в столице проездом и по дороге, кстати, умудрился в поезде что-то продать. На эти деньги у меня купил картинок (их продал уже в Свердловске). Но продал также и одну картонку, которую попросил проложить между картинами. Это была моя недорисованная работа... и ее он продал Ройзману. И тот повесил ее где-то у себя и потом сказал, что шведы, скандинавы, больше всего балдеют именно от этой картинки. Картонка-то недопеченная – на одном дыхании. Смешно все. Забавно. Мы с Витей пошли потом по делам. И заглянули в книжный, в котором всегда барыги какие-то собираются.

Вдруг один из них подходит к нам: «Витя, того что ты просил, сейчас нет. Но ты послезавтра подходи, послезавтра я

тебе обязательно отдам!» Мало того что для них он парень свой в доску, так при этом они думают, что он так и продолжает там обитать. Я был несколько удивлен. Одно время Витя жил в Москве, он даже показывал мне комнату. На Цветном бульваре, дом этот уже снесли. Насколько мне известно, он подарил эту комнату кому-то из женского пола. Хотя в те годы нельзя было ни подарить, ни купить жилье. Туманно все. Может быть, он в Москве учился.

Я еще о Вите как о художнике хочу сказать. Сначала я воспринял его как человека, который пишет необычайно лиричные пейзажи. И очень долго не мог понять всех его других картин. А сейчас – со временем – я открыл для себя его портреты. Я думаю, что его портреты обладают, может быть, даже большей значимостью. Потому что он умудрялся создать фундаментальный образ маленького человека – условно говоря – на очень маленьком размере. При этом я считаю, что Витя относится к экспрессионистам по стилю.

– *Я тоже так думаю.*

– Дело в том, что *его личность* вытесняет в нашем восприятии художника Махотина! Со временем приходит умение воспринимать эти вещи отдельно. И портретные работы Виктора на меня начинают производить впечатление все более сильное. Особенно это касается портретов девушек и старушек, тут он просто бесподобен. В «женском вопросе» он доходил до глубины философии и символизма. Некоторые его маленькие картинки воспринимаются как иконы –

по силе своего образа. У меня есть такая, моя собственность: две тучки и маленькая звездочка. Там практически нет цветов, три цвета всего-то, но она для меня одна из основных в его творчестве. Или Лев Толстой в русском поле... Его пейзажи. Витину живопись мы пока еще не можем объективно оценить. Картины его очень узнаваемы.

Работы Вити можно смело собирать по всему бывшему СССР, потому что они могут оказаться в любом городе. Однажды он показывал мне слайды своих работ. Их было не менее 70, в основном – созданные до 1990 года. И к сожалению, Махотина-художника не все понимают. И еще вот о чем хочется сказать. Витя не мог быть *только* художником, поскольку профессия художника основана на эгоцентризме и некоей самозакрученности. И вот эти два основных внутренних признака художника ему были как раз несвойственны.

Художник – профессия, изначально ориентированная на одиночество. Любой творческий человек самопогружен. И вот этого-то эгоизма в Вите не было, и, может, отчасти это являлось для его искусства минусом. По сути, он сформировал многих людей своим примером, а не только творчеством.

– *Тебя он тоже сформировал?*

– Не то чтобы сформировал, но он мог всего несколькими словами задать целый вектор направления жизненных принципов. Он мог произнести всего одну фразу, но эта фраза доминировала в тебе на протяжении если не всей даль-

нейшей жизни, то хотя бы какого-то длинного периода. Когда какие-нибудь проблемы возникали, то он был для меня фундаментальным человеком в Екатеринбурге, фактически каждый раз, бывая на Урале, я к нему заходил или мы где-то пересекались. Только однажды я не был у него и жалею об этом. А приезжал я 4—5 раз в год. Отмечу еще, что Витя мог очень цельно, образно и коротко охарактеризовать человека фразой. Как-то он послал ко мне в Москву одного верующего, тот крестил и крестил все, что попадется, и говорил только на эти темы. Утомило меня присутствие этого товарища, только глубокая религиозность моя не позволила мне послать его...

Я помню, Витя определил его потом единственной фразой: «Он верующий, потому что ему это выгодно». Это было действительно так, точнее не скажешь.

Кстати, в Москве у некоторых людей попадаются его картины.

– Да, у четы художников Стекольниковых, Витиных друзей, есть его картины.

– И у других есть.

– Зоя Таурова написала, что работа «Кулачный бой» – это примитивизм по стилю. Тут вообще Джотто есть, ренессанс ранний!

– У всех свое мнение, бесполезно спорить.

Его живопись – это экспрессионизм чистой воды. Это, скажем так, миниатюрный экспрессионизм. Примитивом тут

и не пахнет. Да и как мог быть примитивистом человек, который отреставрировал сотни, если не тысячи, икон.

— *А ты откуда знаешь?*

— Он был моим учителем в реставрации.

— *А ты был реставратором?*

— Да.

— *Виктор, знаю, дома строил. А про иконы я не слышала...*

— Он очень много икон отреставрировал, особенно в доперестроечный период. Если я их отреставрировал сотни, то он — всяко больше. Все он это знал. И очень многие знания, особенно поначалу, я получил от него. Он мне даже подарил собственную книжку по реставрации икон, которую достать в то время было невозможно. Виктор помогал не только мне в этом направлении, но и Марине Азановой, и Олегу Бызову... По иконописи знания у него были серьезные. Чувствовал он иконы прекрасно. Во всяком случае, иконы у него были такие, что многим и не снились по нынешним временам! В том смысле, что проходили через него — он же не был «накопителем». Собирать, запасать — перед ним такой цели не стояло.

— *Его же два раза обокрали...*

— В России нет человека, которого ни разу бы не обокрали, тем более общительного. Это гадко, да.

— *Каково значение Виктора Махотина для культуры города?*

– Скорее, значение для жителей города. А для культуры... это надо к музейным работникам обратиться, они лучше знают.

– *Ройзман написал, что Витя отсидел 16 лет.*

– Я про это лично от него не слышал, но нормальные люди этим не хвастаются. Хотя, детский дом если в расчет взять, то как раз и получится 16.

– *Витя говорил, что к детям в детдомах хорошо относились. Кружки там всякие были. Ему краски давали, чтобы он занимался рисованием.*

– Вполне возможно. Но в то же время в детском доме были определены внутренние порядки между мальчишками, сила там доминировала – дрались... Оно и понятно, впрочем: время послевоенное, голодное, со своими понятиями и законами. Меня другое поражает: внутренняя свобода Вити. Я знал немало людей из детских домов, и они совершенно не похожи на Витю. Он был в этом плане уникальным человеком.

– *Вот Борис Цыбин тоже из детдома, учился в художественном училище, два года правда всего, потом бросил, сейчас он кузнец. Владимир Пресняков – главный архитектор города Копейска. Виктор Ламмерт – тоже художник. Художников много вышло из того детдома.*

– Видимо, детдом способствует развитию визуального творчества, определенных внутренних качеств. Способствует желанию замкнуться, уйти в себя, что-то нарисовать.

– Они жили не так, как дети в семьях. Убегали, например, вместо школы на пруд – плавать на плоту, в сады убегали.

– Мое детство таким же было, хотя и не детдомовским. Мы в бараках жили у Исети. Тонул, помню, несколько раз. Я понимаю романтику эту. Порой такое случалось, что до смерти несколько сантиметров оставалось. И я думаю, что его детство по сути такое же было, если не хлеще.

– Ты когда родился?

– В 1962-м. Как-то в меня стреляли солью, а могли и дробью! Улица воспитывала. Почти нормально воспитывала.

– Витя раздавал все. Ремонт делал людям бесплатно.

– В Китае говорят: «Доброму человеку не надо думать о старости». Витя очень четко соответствовал этой поговорке.

Беседовала Светлана Муксун

Вадим Дубичев

Читал и смеялся

Мой рассказ «Индейка счастья» был опубликован в 1993 году в российской газете «Доверие». Спустя некоторое время встретил Витю Махотина – сунул ему газетный номер и попросил прочитать. Если уж обидится – художники народ сложный! – то пусть при мне. Хотя рассказ был не о нем персонально, а обо всех нас – как жили мы тогда. Витя читал и смеялся. Я курил. Светило солнышко. Хорошее было время.

ИНДЕЙКА СЧАСТЬЯ

«...Ты постигнешь непогрешимую красоту человеческих страданий, о каждое из которых споткнется твое сердце». Я поставил точку в рассказе, закрыл записную книжку, и в это время в редакцию вошел художник-иллюстратор Шабуров. Невысокого роста человек, похожий на капибару. Про капибару я вычитал в книжке Даррелла.

- Слушай, Дубичев, скажи мне телефон Вити Махотина.
- Махотина я знаю, но телефона его у меня нет.
- Откуда знаешь? – неприятно усмехается.

Иногда я его люблю. Иногда совсем не люблю. Но Махотина знаю. Или путаю с кем-то.

- Может, и путаю, но вроде слышал про такого.

– Понятно...

По телефону спрашивают, может ли наше издательство напечатать японские календари. Пока я соображаю, что такое японские календари, интересуются – туда ли попали.

На всякий случай говорю, что попали туда, но прошу перезвонить завтра.

– Но вы можете напечатать именно японские календари?

– Можем. Но завтра...

– Скажите пожалуйста, телефон художественных мастерских на Онуфриева, – это Шабуров звонит по 09. Начало фразы он произносит агрессивно, финал мягко.

– Спасибо... Это художественные мастерские? А Махотина можно? Не знаете такого! Спасибо...

– Какие новости хорошие? – спрашиваю у Шабурова.

– Какие тебе новости... Никаких новостей нет.

Сидим. Молчим.

Снова набирает номер.

– Не берут...

– А кому звонишь?

– Арбенеvu в издательство.

Ждет.

– Может, обедает. Женя в два часа дня ходит в столовку обедать. Сейчас как раз два часа.

– Где обедает?

– В столовой какого-то института, – начинаю злиться.

– Сам ты обедаешь, – слушает гудки. – Он давно уже обе-

дает у себя в издательстве. Сидит и ест бутерброды с черной...

– Икрой...

– Соплей, – понимает, что каламбур неудачный, и, сделав сердитое лицо, кричит в телефонную трубку: – Здравствуй-те, позовите пожалуйста... Женья, это ты? Евгений Владимирович, у тебя есть телефон игнатьевской жены? А-а-а! Он сам у тебя, дай его...

Подмигивает мне и оживляется. Рад. – Привет, слушай, ты телефон Вити Махотина знаешь? А жена твоя?

Я вычитываю чью-то рукопись, механически исправляю ошибки и слушаю, как в соседней комнате главный редактор ругается с коммерческим директором. Коммерческий устроил форменную истерику и кричит о несоответствии политических платформ, что в фирме работают не единомышленники и что он почему-то в связи с этим слагает с себя всякую финансовую ответственность.

Хочется подойти к нему и шлепнуть толстой рукописью по его курчавой голове. – Не знает, – досадует Шабуров.

– Слушай, а может, никакого Махотина и нет?

– Нет, я с ним знаком, – говорит Шабуров как-то неуверенно и начинает саркастически улыбаться.

Смотрю в потолок и мечтаю. Вдруг никакого Махотина нет, а картины его есть и они талантливые. А потом оказывается, что автор этих картин – я. Все удивляются – как же они такой талант проглядели! А я скромно улыбаюсь и пью

водку за чужой счет.

Возвращаюсь к рукописи и с ненавистью ставлю запятую, которой нет на положенном месте.

Шабуров сидит тихим зайчиком и о чем-то думает. Затем оглядывает комнату и вскрикивает:

– О-о, позвоню-ка я в кукольный театр! Там его точно знают.

В трубке слышны длинные гудки.

– Может, обедают, – предполагаю я.

– У тебя все обедают, придурок.

– Сам придурок, – снова утыкаюсь в рукопись.

Не слушая вопли Шабурова, который просит дать ему телефон студенческого театра УПИ, где точно знают телефон Махотина, вычеркиваю полстраницы мелодраматического рассказа, без которой текст превращается в мрачную фантазию садиста-упыря. Рассказ мне начинает нравиться. Надо убедить автора в необходимости такого сокращения.

– Чай будешь? – спрашивает меня наборщица Света.

– Буду, – отвечает за меня Шабуров, и мы идем пить чай.

В вазочке лежит печенье, а рядом на бумажке сахар.

– Раньше я клал в стакан три ложки сахара, – рассказывает Шабуров. – А теперь только две.

Я ем печенье и молчу. Хочу домой.

– А брат мой Игорь клал в стакан восемь ложек сахара! Да-да, – кивает головой Шабуров на удивленные крики Светы, которая вообще натура легко возбудимая.

– Из них три ложки сахара не растворялись, за что брата моего Игоря пороли. Но все равно чай был сладок, как сироп. А я кладу две ложки сахара, – продолжал Шабуров. – Вот, одну кладу, – насыпает. – И вторую, – насыпает вторую.

– И диабетом его пугали, и что кишки слипнутся, – и все ничего. Игорь пил чай с восьмью ложками сахара, и никто не мог отучить его от этой привычки.

Шабуров пробует чай и добавляет третью ложку сахара.

– Ну все, мне пора домой, – прощаюсь я и выхожу из кабинета.

А дома, как часто бывает, мутный запах сигарет, стол, заваленный объедками и бутылками, неизвестно откуда появившиеся гости. Много, слишком много их на мое необжитое сердце, которому и двоих бы хватило. А еще лучше сидеть одному у распахнутого окна и вдыхать свежесть грозовой ночи. Она – как это часто бывает в последнее время – слегка пьяна и внимательна ко мне. Я пью дрянной портвейн, стараясь не замечать развязные приставания ко мне долговязого литературного критика, от которого неприятно пахнет.

Я показываю ей на улицу и говорю:

– Посмотри в окно. Смотри, какая птичка зависла в воздухе и разглядывает нас пристальным взглядом... Посмотри, как походит она на индейку счастья. У нее маленькие крылья и золотой гребень на голове. Разноцветные шелковые ниточки спускаются с ее лапок, и шары надувные, и перья лучезарные. Вся улица смотрит на нее. Одна ты не смотришь! –

кричу я.

Близоруко щурясь, она улыбается мне, но в окно не смотрит.

– Ты же никогда не согласишься мне, что к нам прилетала индейка счастья! А она прилетает один раз в жизни, – пытаюсь вразумить ее. – Вот, улетела...

– Наверное, ты больше меня веришь в индейку счастья и тебе не нужно оглядываться в окно? – озаряет меня. Она улыбается. Я целую ее мятое, доброе лицо плюшевой игрушки. Мы счастливы и плачем.

А Курицын хватает газеты, рвет их в клочья и кричит:

– Снег, в городе пошел снег! Хотя какой там снег...

Ильдар Зиганшин

Художественная капля города

На Плотинке – на «Плите», – сидят с этюдниками художники-портретисты, рисуют горожан. Зрители, стоящие вокруг, их поддерживают репликами.

В завязавшейся беседе о художественной жизни города участвуют художники Леонид Баранов и Александр Беляев, фотограф Ильдар Зиганшин и искусствовед Светлана Аббакумова

Светлана: Что можно сейчас сделать, чтобы сохранить память о Викторе Махотине?

Ильдар: – Очень странный вопрос ты задаешь. На самом деле уже все сделано, все должно происходить само собой. Если брать художественную часть, то есть художественную каплю нашего города, то надо ставить вопрос так, чтобы эта капля вся жила, вместе с теми, кто ушел, и кто в ней есть, и кто в ней будет. Я не думаю что необходимо какие-то культуры выращивать. Ты знаешь, сколько художников в этом городе умерло?

Картины-то их остались.

Леонид: Картины Махотина можно поместить в основную экспозицию Музея изобразительных искусств. Поставили вот хороший памятник на кладбище. К Махотину ходят, его помнят. Достаточно приличный статус у него! Мож-

но еще доску на Башне установить. Анатолий Гробов сделал второй проект памятника художнику для Плотинки.

Ильдар: Все все забывают.

Леонид: Мы же не забываем, делаем например выставку «День рождения Махотина». И заметь, начинается движение вокруг Елового – хотят дуб в саду спасти.

Светлана: Это чтобы дом Елового не снесли.

Леонид: Ну как не снесут такую развалюху? В центре города! Он же там просто жил!

Светлана: Нет, не просто жил. Там Музей простого искусства Урала и Сибири был создан. Олег его организовал и зарегистрировал. Там была коллекция картин примитивистов, которую он собирал для музея, там жили коммуной художники.

Ильдар: Там место давно куплено, все это чье-то уже. Ты обрати внимание: центр города весь столбиками размечен. Он уже потихоньку весь чей-то. Ты будешь прогуливаться однажды, и тебе захочется в какой-нибудь двор зайти – на скамейке посидеть. И ты вдруг обнаружишь, что зайти нельзя, что все не просто так. Тут – заборчики какие-то, там – замочки.

Леонид: Замки? Это хорошо, с одной стороны, совковости зато нет.

Светлана: А помните время «совковое»? Ты, Леня, не ностальгируешь?

Леонид: Я не ностальгирую. Я люблю свое счастье свобод-

ное.

Ильдар: Что свидетельствует о достаточности тех ресурсов, которыми ты сейчас обходишься. Это очень важно. Многим людям ресурсы, которыми они располагают, какими бы они ни были огромными, не кажутся достаточными, и они все нервничают. Это бесконечная игра такая.

Леонид: Когда едешь на юг рисовать, то там зарабатываешь по тысяче рублей ежедневно. И каждый вечер гарцуешь по кабакам. Приезжаешь домой – денег опять нет. То есть ты живешь в Анапе, как барин, это все равно роскошь, родителям нашим не понять.

Светлана: Ты ж парторгом был в художественном училище... Ты с завода в училище пришел такой правильный!

Леонид: Какой парторг? Я «Комсомольский прожектор» просто вел. И старостой группы был. Я моралист все равно, я все равно воспитан в тех еще традициях.

Светлана: Скажи, почему Витя выставлял именно выпускников училища: тебя, Сашу Сажаева, Гену Шаройкина?

Леонид: Он просто видел, что мы работаем творчески. Сажаев, Беляев, Шаройкин – все они яркие художники. А в театральном институте мы сами выставку сделали – я, Саша Сажаев, Андрей Зыкин. Для меня это было непринципиально.

Витя – деятель нормальный, очень легкий, правильный человек. Мне кажется что это – неистребимое. Если сам ты не можешь человеку что-то дать, то сведи его с кем-нибудь,

с другими мирами. Сталкивание миров – это нормально.

Ильдар: Мысль эта правильная. Многие начинают сталкивать миры, как Леня говорит, и это очень кайфово. Но долго они не выдерживают. Потому что человек не может в 95 или 98 процентах случаев чувствовать, что в ответ идет неадекватная реакция. Большинство людей работают на прием, а не на развитие этой модели общения. И когда человек бьется-бьется, бьется-бьется, – он устает от этого. Он понимает, что схема не делай добра – не будет и зла – куда как эффективнее.

Светлана: А Витя не уставал, что ли?

Леонид: Уставал. Как не уставал, гонял иногда.

Александр Беляев (подходит и говорит Лене Баранову): Икскьюз ми, попрошу один тоненький карандаш, – только на тоненьких специализируюсь, – рисую женский портрет. Позвольте представиться (*раскланивается*), Александр Беляев – свободный художник легких реприз женских форм.

Ильдар: Саша, скажи, вот той тетке в розовых очках, ей понравилась твоя работа, портрет?

Александр: Ей понравилось.

Ильдар: У нее все кайфы сошлись. Мы работу с ней предварительную провели, уговорили ее позировать. Вот, Саша, всегда бы так было – все начинают друг другу помогать. Понимаешь, существует масса контактов, которые не случаются, и это плохо. А когда какой-то один человек начинает объединять вокруг себя людей, то он знает: это нужно этому,

это – этому. И все тогда начинает у всех счастливо складываться, и все участники цепочки испытывают определенные дозы счастья, удовлетворения. Но! Но! К сожалению, не существует персонажей, которые могут бесконечно строить эту пирамиду. Потому что они видят: пирамида-то выстраивается, все красиво-хорошо получается, но они сами оказались ниже травы где-то – все про них забыли. Это очень тяжело переживается. И люди бросают доброе дело.

Леонид: Но ведь это может быть необязательно пирамида, может быть другая конструкция. Представь: по поляне бегают играющий тренер и всех учит. Обучает всех игроков, чтоб они объединялись. Вот есть у нас братство уральских художников в Анапе, выезжающих каждое лето отсюда туда на заработки. Личности звучат в этом братстве и мы стали настолько дружны! Там-то никакая не пирамида, – ровная поляна, в которую попадаешь и начинаешь там жить.

Ильдар: Я тебе на очень простом примере объясню... Взять один из уровней (а уровней этих – бессчетное количество). Уровень реализации работ, реализации продукта творчества.

Леонид: Хочется попредметнее... *Ильдар:* Да куда уже предметнее! Я тебе про деньги начинаю разговаривать! Когда один человек понимает, что для десяти художников есть работа, есть для них заказчики и начинает стыковать тех и других, то художники, к примеру, начинают жить нормально.

Понимаешь?

Леонид: Я понимаю. И Марсель Абелов это делал, бился, бился и... разбился.

Ильдар: Если бы так поступал каждый член сообщества, то жизнь занялась бы просто с десятикратной, со стократной силой. В том числе, достаток всех сторон увеличился бы.

Леонид: В городе же у нас получилось так! Ежедневные выставки художников проводятся, презентации бесконечные.

Ильдар: Леня, у нас очень специфичный город! Я не говорю, что он плохой. Я говорю, что он специфичный. К сожалению, большинство выставок как раз ни к чему и не ведут. Потому что туда не приходит реальный потребитель. Не приходит потому что нет рекламы, потому что никто никого не заинтересовывает.

Леонид: Мне кажется, у нас все нормально. У меня впечатление, что у Екатеринбурга в этом плане есть преимущество перед городами Челябинском, Тагилом и т. д.

Ильдар: Ты заметь, что мне-то как раз тоже жаловаться не на что! Я просто констатирую – могло бы быть по-другому. Смотрите-ка, господа, он сам эту тему поднял, я ему ее разворачиваю, а он уворачивается!

Леонид: Я понимаю тему. Я хочу лишь напомнить про Человека, который делает добро для людей, а потом вдруг оказывается внизу.

Ильдар: Не делай добра, не будет и зла! – сейчас работает

только эта схема.

Леонид: Добро в каком смысле?

Светлана: Инициатива. Инициатива наказуема.

Леонид: Пардон, господа. Это все стереотипы. Все равно необходимость делать добро есть. Есть друзья, они принимают в твоей жизни участие. Добро делают. Лена Гладышева занимается своим делом – организует людей, это дело! Олежка Еловой отзвучал – вокруг него общество огромное образовалось. Махотин свое отработал. Зина Гаврилова свое сделала. В каждом обществе есть ядренные такие, бодрые ребята, вокруг которых это общество и формируется.

Светлана: Ребят-то мало таких.

Леонид: Но они есть. Мало – да немало! Достаточно! Мало – сделай больше! Я знаю, что их много! Я их помню! Мне лично хватает для того, чтобы комфортно себя чувствовать.

Ильдар: Леня, тебе хватает, да? Я точно знаю что ты знаешь, кому ты можешь помочь!

Леонид: Я кому помогаю, тем помогаю.

Ильдар: Я рад. Но не все так делают. Постфактум обнаруживаешь порой такие вещи, что думаешь: а почему не помогли...

Леонид: Марсель Абелов многим помогал. Сейчас он гонимый и где-то скрывается, но в свое время, когда он был на коне, он устраивал такие праздники! Для многих царские праздники! Кто может – тот всем помогает, всем делится, я думаю. Все равно ведь ты не обозлен... Или ты чувствуешь

негатив по поводу современной жизни?

Ильдар: Нет-нет, у меня сожаление, что мы живем в каком-то микропроценте...

Леонид: Потому что еще не Запад!

Ильдар: Я тебя успокою, когда будет Запад – станет вообще страшно. У них другие проблемы, к которым мы еще близко не подошли. Это нам еще предстоит. Грустно, что мы потенциально живем в каком-то микропроценте от наших возможностей.

Лето 2005 г. Екатеринбург, Плотинка

Евгений Касимов

Виктору Махотину

Мы стоим на пороге, у входа в последний приют.
Пахнет глиной сухой и сырою травой молодой.
Ждем, когда два замотанных ангела тихо придут,
Заберут твою душу, а тело придавят плитой.
Мы стоим на пороге – не гости, не плакальщики,
А свидетели жизни отвесной, обрушенной заступом вниз.
Только божья коровка гуляет пониже щеки.
И меха разрывает напившийся вдрызг баянист.

24 мая 2003 г.

РЯДОМ С МАХОТИНЫМ

В 1983 году я работал в газете «Уральский университет». Делал «Литературную страницу». Печатал помаленьку Ерему, Юру Казарина, Андрея Танцырева, Витю Смирнова, Тольку Фомина, Игоря Сахновского, Андрея Козлова. Тонкий график Копылов делал рисунки к стихам. Когда готовился номер, дым в редакции стоял коромыслом – в прямом и переносном смысле. Что-то пили.

Любил к нам заглянуть философ Перцев – тогда еще не профессор. Проницательно говорил что редакция похожа на радиостанцию «Венсеремос», на штаб каких-нибудь никарагуанских герильясов. Впрочем, проницательный парт-

ком университета тоже подозревал, что мы тайные инсургенты. Иногда меня вызывал секретарь — доктор химических наук — и внушал, что стихи мы пишем неправильные, что он это говорит со знанием дела, потому что он и сам пишет стихи и эти стихи очень нравятся его друзьям. Иногда в цензорской комнате типографии «Уральский рабочий», не найдя в газете никакой военной информации и политических инсинуаций, строгий чиновник спрашивал меня, что имел в виду поэт Юрий Казарин, написав: «Встречаются случайные тела и робко нагреваются от трения». Нет ли здесь умысла порнографии? В общем, приглядывали за нами. Поэтому пить приходилось осторожно. Хотя водка и подешевела, какие-то уполномоченные в штатском стали отлавливать празднующийся люд.

Главным редактором была Алка Шкавро — дочь знаменитого уральского поэта, заведующего отделом поэзии в журнале «Урал». Это про него другой знаменитый уральский поэт, Борис Марьев, как-то сказал: «Путь в уральскую литературу устлан шкаврами». Впрочем, Алка была девушка своя, нас любила, мы ее тоже, и ей видно были не в диковинку поэтические посиделки. Но так как перед нами всегда стояла проблема чинно-благородно выйти из здания университета, то пьянство она не одобряла. И как-то ее подруга Таня Анисимова предложила: «А поехали к Вите Махотину!» Мы не знали, кто такой Витя Махотин, и Таня очень этому удивилась. И мы отправились к Вите в гости. На улицу

Ирбитскую. Взяли водки, где-то колбасы полукопченой добыли. Приехали в дом, который показался до боли родным. Во-первых, я родился в таком же двухэтажном рыжем доме. А во-вторых, очень любезен мне такой быт, когда квартира не квартира – а проходной двор. Мы примерно так же на Малышева жили. Пахнет красками, кипяточек в мятом чайнике булькает, картинки на стенах висят. Ну мы, ясное дело, в стаканы наливаем, закуску готовим. Витя говорит: «Можно, я *жопки* от колбаски съем?» И тут же и съел. И такой он весь уютный, смешливый, как домовый из мультиков, что-то стал дарить – какуюто милую чепуху, и как-то сразу стало понятно, что с ним не надо политесы разводить. И мы славно тогда посидели.

И подружились.

Виктор Махотин был первым свердловским художником, которого я узнал. Года через два на *квартирнике* у Дворкина я познакомился и с Б. У. Кашкиным. Он тогда еще был К. А. Кашкиным. Мне о нем восхищенно рассказывал в Москве Алеша Парщиков. Народу набилось – уйма! Старик, похожий на берендея, сурово читал стихи, прихлебывая из чекушки, которая висела у него на груди на каком-то снурке. Больше водка никому не предлагалась, потому что уже наступили антиалкогольные времена и водка была в большом дефиците. Я сидел в уголочке и тихонько помирал со смеху. Потом вспомнил, что о нем как-то рассказывал Борис Марьев – типа есть тут у нас в Свердловске свой

Велимир Хлебников. В перерыве передал привет от Парщикова, старик оживился, мы с ним пошли на кухню и там его чекушку вдвоем и прикончили.

У Вити собиралась не компания художников, а просто хорошая компания. И все себя чувствовали товарищами и друзьями. Тогда и встречались-то только в квартирах и мастерских. Это уже после Сурикова, 31 художественные тусовки стали обычным явлением.

Благословенные восьмидесятые. Тогда все начиналось! Это был какой-то сплошной праздник, все встречи отмечены были чем-то праздничным. Поэтому на выставки приходили с семьями.

На Сакко и Ванцетти, 23 Витя уже был среди организаторов. Первая телепередача о поэтах снималась там. Я был ведущим. Поэты читали стихи. Камера блуждала по картинам, среди которых во множестве были и Витины. Они были отличными иллюстрациями к стихам. Еще картины прикрывали дыры в стенах.

Витя – великий организатор! Даже не организатор, а душа любого дела, душа любой компании. На Станции вольных почт (Ленина, 11) он уже царил. Все говорили *не пошли на выставку, а – пошли к Махотину!* В музее Свердлова та же история повторилась. У него со всеми были нежные, теплые отношения.

Так все восьмидесятые мы в тепле уютно и пробухали. А что еще делать-то было? Кто музыкой занимался, кто

картинки рисовал, кто стихи писал. Я в это время учился в Литинституте. Что-то мы все писали, читали на поэтических вечерах, но ничего нашего не печатали... Мы с Андреем Козловым собрали тогда два тома антологии современной уральской литературы. Заручились поддержкой Союза писателей и даже, страшно сказать, обкома комсомола. Но в Средне-Уральском книжном издательстве нам проект зарубили. Сказали, что все мы графоманы. Через два года все это стало помаленьку публиковаться. Стали выходить отдельные книжки. Потом, уже в 1996-м, Виталий Кальпиди издал великолепную антологию современной уральской литературы. Через семь лет он повторил это дело. Практически все участники нашего проекта стали его авторами. Сейчас они признанные поэты и прозаики, и некоторые даже стали лауреатами разных литературных премий. Витя Махотин народным персонажем становится. Мы о нем рассказываем друг другу. Наши дети будут своим детям рассказывать о нем. Наврут, конечно, с три короба. Вот Коля Предеин памятник ему делает. Откроется Галерея современного искусства, и у входа будет Витя стоять. Легендарная личность. Как, впрочем, и Букашкин. И многие другие. Потому что время было – легендарное. К Букашкину – молодняк больше тянулся, к Олегу Еловому – профессионалы, они искали новые формы искусства, акции проводили... И вокруг Вити всегда народ толпился. Художники, поэты, фотографы, музыканты... И женщины! Витя добрый был. Как его любили!

Такие люди – большая редкость.

Почти в каждой квартире были сборища. У меня собирались тоже. Сколько всего наворочено тогда было! Какие идеи витали в табачном дыму! И что интересно – почти все они реализовались.

В 1993 году мы делали с Витей в музее Свердлова выставку графики из коллекции Жени Ройзмана. Витя оформлял работы, развешивал. Я написал статью в газету. Потом была выставка в доме-музее Мамина-Сибиряка. А через три года мы уже открыли выставку в Музее изобразительного искусства на Вайнера, 11, где целый зал был отведен под работы Вити Махотина. Потом Женя Ройзман издал альбом его работ в серии «Художники Екатеринбурга». Смерть Вити – это было очень неожиданно для нас для всех. Как удар молнии – Витя умер! Все мужики плакали. Как он умер – так его дом сразу и развалился. Поневоле мистиком станешь.

Витя любил свои картинки дарить, и мне несколько штук подарил, среди которых его знаменитая «Холодная зима 1989 года». Приходим как-то с Ленкой на Станцию вольных почт, а там – гульба! Приходим как-то с Ленкой на Станцию вольных почт, а там – гульба! Во главе стола – Витя. На стене картинка зеленая висит. Витя увидел нас с Ленкой – обрадовался. Тут же картину снимает – дарю! Мы успели очень вовремя. Тут же приходят какие-то мужики, достают деньги – ну просто очень хорошие деньги! Где картина? Витя грустно так говорит им: все, нету картины. Ушла картина.

Мужики очень расстроились. А он им: да я вам еще нарисую! Еще он мне подарил несколько картинок с Лениным и Дзержинским. Они сейчас в коллекции Жени Ройзмана. Женя говорит, что в его галерее будет отдельный зал, посвященный Вите. Еще на Станции вольных почт Витя устраивал поэтические вечера. И всегда публика была. Рома Тягунов выступал, Андрей Козлов. Кто-то приезжал из других городов. Всегда там кто-нибудь жил. В лабиринте дома можно было встретить Катю Дерун, блуждающую впотьмах, как леди Макбет. В какой-нибудь подклети можно было обнаружить поэта Антиповова, задумчиво лежащего под ворохом шуб. В пристрое жила огромная семья Валеры Дьяченко.

Перед домом Коля Федореев поставил огромного противотанкового ежа. Такая красно-черно-белая композиция. Приехал начальник культуры товарищ Олюнин. Что это у вас такое? Это реклама, отвечает ему Федореев. А тот задумчиво так и веско: «Реклама должна быть скромной!». Потом состоялся диспут на тему «Что такое современное искусство?». Присутствовали бывшие партийные журналисты и маститые художники из Союза. Художники солидно говорили что искусство – это не картинки малевать, это судьба, а уже беспартийные журналисты – о малохудожественном уровне выставки, при этом почему-то клялись Высоцким. Но задушить уже никого не удавалось, жизнь брала свое.

Как-то Серега Копылов нарисовал несколько картинок. Принес показать. Витя говорит: классные картинки. Умеешь

рисовать. Продай? Копылов – твердым таким голосом: «Десять рублей». Витя: «Беру две». Сбегали к таксистам, купили водки. Сидим, выпиваем, разговор плетем. Вдруг кончилось все. Копылов – Вите: «А купи еще одну!».

Опять пришлось к таксистам бежать. Потом все повторилось. На следующий день картинки уже в рамочках, под стеклом – на стенке висят. Такая небольшая экспозиция художника Копылова. Потом ее Витя подарил Жене Ройзману.

С 1989 года я был директором выставочного зала в ДК автомобилистов. Гостеприимный Леонид Федорович Быков приютил. Я был и директором, и билетером, и картины развешивал. Андрей Козлов организовывал выставки. В ДК еще собирались поэты, там же проводились поэтические вечера. Летом – чтения стихов на лужайке. Без Вити когда такое обходилось?

Витя был знаковой такой фигурой того времени. Была какая-то необыкновенная жизнь. Дышалось легко. Жили в ожидании перемен. Все случилось. Сейчас никто не пьет. Все работают. Художники в мастерских, писатели в кабинетах, музыканты в студиях звукозаписи. А другие – померли. Вот говорят: богема, богема. Богема – это определенная художественная, литературная, артистическая среда, которая характеризуется вольностью нравов и поведения, но в первую очередь – нонконформизмом. Сейчас богемы нет, сейчас тусовки. Это что-то типа раутов, только без этикета.

У Андрея Воха есть песня «Богема».

Это о том времени. Эпохальных, так называемых – «неформальных», выставок в городе было три: на Сурикова, 31, на Сакко и Ванцетти, 23 и на Ленина, 11. Они и определили андеграундный стиль в городе. Витя Махотин очень сильно стимулировал такую художественную жизнь. Потом андеграунд вышел из подполья и тут же умер. Когда в 1993 году канадское телевидение, прослышав о феномене свердловской городской культуры, приехало снимать передачу про наш андеграунд – снимать уже было нечего. Одни руины.

А Витя был жизнелюб, он никогда не жаловался на «подлое время» и никогда не страдал о безвозвратно потерянном времени. Разве что горько вспоминал безвозвратно ушедших друзей и товарищей. Сейчас мы живем в совсем другой России.

И почему-то очень грустно.

Андрей Козлов

Свердловский Ван Гог

Я по своему обыкновению сидел за столом. Размышлял о своем очередном глобальном проекте. Вычислял, кто же из мэтров свердловской богемы – кульминационная личность, кто «наш Ван Гог». Брусиловский? Сажаев? Райшев? Лаушкин? Стало теплей. Лаушкин мой старый приятель. Он пишет как китаец, только не тушью по шелку, а маслом по холсту. Но не напрягается, плывет на волнах Дао. И все-таки «наш Ван Гог», скорее всего, Витя Махотин. Вдруг зазвонил телефон. Игорь Шабанов спросил меня: «Андрей?» – «Да!» – «Привет!» – «Харе Кришна!» – «Махотин умер. Похороны, наверное, во вторник». – «Боже ж ты мой!». Что теперь делать? Успокоить себя философией? Мудрые не скорбят ни о мертвых, ни о живых.

Где-то в 81-м я впервые увидел его картину, услышал его фамилию. На стенке висела пара картин: Махотин и Сажаев. В 88-м я увидел еще несколько картин на Суриковской выставке. Он был уже культовым художником. Больше говорили только о Гаврилове. На Сакко и Ванцетти летом того же года открылась новая выставка, как бы продолжение сенсационной зимней, она длилась уже три месяца, а потом переехала в здание Станции вольных почт, где еще почти год царило это неожиданное для многих пиршество авангарда. Это

был не чистый авангард, это было нечто небывалое, чуть-чуть даже нелепое. Это было все: и импрессионизм, и реализм, и китч, и концептуалисты, и мастера рисовать жареную селедку, которая казалась живой. Было даже что-то совсем не ко времени – «Выплавка стали на уральском заводе». Одно оттеняло другое. Неожиданное соседство Воловича, Казанцева. Махотина, Гаврилова с самым пошлым дилетантским натурализмом рождало веселый дух свободы.

На Станции Витя был уже не только автором, он был хранителем этого незатейливого уральского «Лувра». Это было экстраординарное, почти нечаянное явление. У него не было никакой материально-технической базы. «Вернисаж» свозил шумную выставку в Челябинск, Пермь, Киров, Ленинград. Выставка на Ленина, 11 вскоре закрылась. Начались будничные дни русского капитализма с его первоначальным накоплением капитала.

Но Махотин не растаял и не проиграл в своем вольном проекте. В самом знаковом месте Екатеринбурга, в башне Исторического сквера, появился музейкузница. «Вольные почты» свернулись до пяточка этого странного мини-музея. Махотин был не просто живописец, он был артефакт. Он не ходил ангелом с приклеенными крыльями, не купался голый в томатном соке. Но он был артефакт, более интенсивный и вездесущий, чем Букашкин или Шабуров. Теперь он был с вернисажем своего проекта каждый день. Вокруг этих чугунных утюжков, печных дверец, кочерег и прочих неза-

тейливых экспонатов своего музея он как бы следовал Лао Цзы. Внешне просто как камень, внутри – яшма. Картины он дарил, менял, продавал – спонтанно, без научных систем. Он был вольный хозяин своих почт. И не так что он где-то не состоялся или томился, как Ван Гог, от своего безумия. Нет-нет. Он был добр и прост. И он не был провинциальным чудачком, как это думается всем этим подслеповатым искусствоведам. Они же полагают, что Гаврилов – эпигон Дали, а Махотин – мастодонт вчерашнего западного импрессионизма.

Гаврилов – больше Дали. А Махотин – больше Ван Гога. Сократ сказал: «Платон мне друг, а истина дороже». У Вити все наоборот: «На... ть на истину и всех этих гениев, друг дороже». Друг. Вот кто такой Махотин.

Эта старинная башня с музейным чугуном, башня бесшабашного, неутомимого добряка Махотина – теперь символ нашего Бурга. Он ушел в мир символов и не вернется оттуда. Дума решает, меняет, придумывает. Махотин самостийно, хитро, покитайски, никого не спросив, «бесвыставкомно», по-хозяйски утвердил то, на чем стоял. Творчество – вечно, любовь – еще вечней, остальное неважно.

Он был православный, ездил в Афон, в Иерусалим, он жил в Пионерском поселке возле кришнаитского храма и как-то на полгода, за так, пустил монахов-кришнаитов на свою квартиру. На вид грубоватый работающий русский мужичок, а когда его спрашивали о национальности, он говорил: «Я –

еврей». Родившийся в Шанхае. Пусть Христос, Кришна, Конфуций, Еврейский Бог позаботятся теперь о нем. Теперь он – душа, мальчик-младенец, летящий сияющим мыльным пузырем над коричневой ночью. Темно, даже луна превратилась в точку. Летит мальчик.

Смерти нет.

Такую картину Витя подарил мне 14 лет назад. Но все-таки плохо как-то на душе. Тоскливо. В голову не входит, что «бессмертный Махотин» умер.

Хотя и философ, а слезы бегут.

Перманентное творчество Виктора Махотина

Сеня Соловьев в октябре 1982 года привел меня на квартиру, где был художник Кротов и еще какие-то архитекторы. Там висели пара картин Махотина и еще пара картин Сажаева. Сеня мне объяснил: «Это Сажаев, а это Махотин.

Оба – гении, особенно Махотин».

Потом, когда была знаменитая безвыставкомная выставка на Сурикова, я увидел еще несколько работ Махотина. Нынешнее поколение не сможет правильно понять того феномена, который представляла собой выставка. Стоило один раз пройти сообщению о ней по ТВ, как на Сурикова повалил народ. Я пришел не в первый день, но народу было много, и Махотин тоже там был. Потом, когда я пришел второй раз, уже без билета, уже представленный, Махотин опять был здесь, и кто-то мне, показав пальцем, объяснил: «Это Махотин».

И уже на «экспериментальной» выставке в худшколе Хабарова на Сакко и Ванцетти нас представили: «Вот это тот самый пресловутый Козлов».

Я сразу же спросил почему на вот этих вот картинах все зеленое – и небо, и дома, и фигуры людей.

Оказалось, на Ирбитском мотоциклетном заводе ему подарили несколько банок краски. Возник, таким образом, «зе-

ленный» период. То бишь никакого кокетства, подход совсем с другой стороны.

Другой нестандартностью Махотина было то, что он свои картины имел обыкновение дарить или менять. Мне, таким образом, достались «Еврейская девушка с быком» и «Золотой младенец». Себе Витя взял мои «Дадзыбао». (На них было написано следующее: Перестройка и гласность – близнецы братья. Перестройка должна быть перестройной. Не противляйся бюрократии насилием. Блаженны неформалы, ибо их царствие небесное. Разобьем бюрократам собачьи головы. И панкам, и металлистам, и люберам – всем светит солнце. Кайся, бюрократ, и будешь мне брат. Рейган, Рейган, Рейганочек, приезжай еще разочек! Нэнси, Нэнси Рейганиха, ты путевая чувиха! Раз, два, три, четыре – перестройка во всем мире. Перестройка – это объективная реальность, данная нам в ощущение. Демократия – не анархия, а обязанности и дисциплина. Ведомства – говно и так далее. Мы уже умнее стали, нам теперь не нужен Сталин. Неформал! Какой же ты неформал, если Дао-Дэ-Дзин не читал! – *Сост.*).

Потом я одну тоже подарил, а другую обменял.

Витя заражал своей стилистикой.

Коммуникабельность Вити была экстраординарной, вплоть до непонимания этого феномена многими и даже мной. В момент нашей встречи на Сакко и Ванцетти я был в дзено-даосской теме и все тестировал через ценности китайской эстетики: Лао Цзы и так далее. Витя, кстати, ока-

зался уроженцем Китая. Таким же образом он оказался человеком, в чьих жилах течет кровь Авраама, Исаака и Иакова. Также он оказался отмотавшим срок братаном. И все это не просто позиционировалось, народ уверовывал на долгое время.

...Витя всегда что-то дарил. Однажды я жил в его квартире в «деревне Гадюкино» (это квартал такой в Пионерском поселке). Там был книжный шкаф, я рефлекторно стал читать названия на корешках, вдруг попалась книга «Дзенбуддизм», такая красненькая. Я снял ее с полки, стал листать, увлекся. Витя говорит: «Дарю».

После «экспериментальной» выставки, которая проводилась в худшколе Хабарова – на время каникул – картины вместе с Махотиным переехали на Станцию вольных почт (Ленина, 11), и там андеграунд Свердловска – Екатеринбурга существовал год-полтора. У андеграунда, конечно, не было тогда совершенно никаких средств, чтобы держать здание или хотя бы его побелить, и «он» оттуда в конце концов съехал, но Витя вскоре оказался в башенке на краю Исторического сквера, как бы сохраняя свой мистико-художественный дозор. В башенке был музей-кузня. Половина экспонатов (а может быть, и все) были Витиной коллекцией (по крайней мере, чугунные утюги точно были Витиными, как-то он у меня тоже спрашивал, нет ли у меня чугунных утюгов или чего-то наподобие). Утюгов не было, но вдруг он увидел книжку про разгром колчаковского белогвардейского движения на Ура-

ле, и я передал книжку в дар его краеведческой коллекции.

Некоторое время я возил выставку свердловских художников под названием «Трансавангард». В участниках «трансавангарда» были картины Гольдера (ныне, говорят, проживает где-то во Франции), Махотина, Гавриловых, Хохонова, Лаушкина, Ильина, Копылова, моя одна работа и еще одна картина с нарисованной как живой селедкой – Сергея Казанцева.

Пермь, Киров, Ленинград. Так что приходилось с этими работами как бы жить, передвижничать.

Вскоре продюсировать надоело. Я сменил китайскую тему на индийскую.

В индийской теме нельзя было ни мясо есть, ни пить. Я тотчас с этим согласился, потому что бурный всплеск андеграундной активности стал влиять на самочувствие. Из Молдавии, где я гостил в семье советско-немецкого писателя Гергенредера, в качестве сувенира привез бутылку «Тамянки». В Молдавии насчет вин было хорошо, а в Свердловске этого не было. Приехал, индийская тема требует абсентеизма. Так что я пошел к Вите и подарил: «Хорошая вещь, но свет Востока, понимаешь».

Оба были довольны.

...Авангардная тусовка, начавшись в кухнях и подвальных мастерских, вышла в залы и даже на улицы.

Касимов, Ваксман и я как-то сидели у Касика. Предстоял съезд неформалов. Там были разные фронты – охрана

исторических памятников, профсоюзы, права человека. Для этого мы придумали общество советско-китайской дружбы «Фэнлю», что на съезде и было объявлено. Смысл послания был авторитетный, как в «Дао-дэ-цзине»: дергаться и волноваться не надо, трава вырастет сама. Публике понравилось, так что нас с Касиком попросили организовать ночное действо творческой неформальной интеллигенции в ДК УЗТМ. Действо называлось «Фэнлю».

Там были картины, Петя Малков под утро появился одетый ангелом, там был авангардный джаз, настоящий китаец Хуан, Саша Еременко. Но каким-то образом местные люберы решили, что творится банальная дискотека и проскочили внутрь, туда, где культурно отдыхал свердловский андеграунд. Все было очень тепло, продавался портвейн, поэт Саша Еременко курил и нахваливал происходящее: «Это просто Лас-Вегас».

Люберы стали толкаться локтями, лезть к дамам. Витя им говорит: «Здесь мероприятие закрытого типа, пожалуйста удалитесь, прошу вас по-хорошему, пока я вас не убил чего доброго». И улыбается, как Ленин в шалаше. Ситуация стала разгораться, участники конфликта толкаются не на шутку. Касик уже загрустил по-серьезному, так что из менеджеров остался я один (Шульман, сами понимаете, не в счет). Я, конечно, тоже такой добродушный, между участниками встрянул. «Не ссорьтесь, все нормально, мир-дружба, как тебя зовут». Но они уже мою миротворческую миссию не вос-

принимают и плюются через мое плечо друг в друга. Любер оказался более метким, бум – и Витя свалился.

Дальше события развивались непредсказуемо. Дело в том, что в вестибюле стояла поленница дров. Обыкновенных дров. Они были заготовлены группой юных архитекторов из числа друзей Пети Малкова.

Дрова должны были составить сюжет некоего хеппенингового действия. Действо-таки схеппенинговалось, но совсем не так, как задумывалось. Потому что лидер поэтической группы «Интернационал» Женя Ройзман шел мимо, отчитав свой поэтический вклад в новое мышление, ускорение и гласность. Видит упавшего Витю, видит дрова, видит гопника-любера. И – хлобысь поленом по башке гопнику! Тот упал, поднялся, Женя с поленом бежит к другим люберам. Те – руки вверх, мы тут ни при чем. Любер, напавший на Витю, весь в цвете купающихся коней Дайнеки, ругается, грозит: «Сейчас весь Уралмаш приведу».

Удалился восвояси. Кто-то продолжал отдыхать, не заметив, что ученья идут, а кто-то вдохнул адреналинчику. Утром стали расходиться – навстречу ангел в белом, в кудряшках (Петя Малков).

Присутствие Вити все превращало в нечто неожиданно-эстетическое – назовем это сухо «андеграунд».

В городе было знаковое место, которое становилось особенно знаковым во второй половине июля – в день расстрела царской семьи. Это место, где стоял раньше Ипатьевский

дом. Дом снесли по указке Политбюро во времена, когда Ельцин был секретарем Свердловского обкома. Дом снесли, но память осталась. И друзья царя и его семьи в июле приносили на место цветы, чем очень беспокоили советскую власть, КГБ и проч. С началом перестройки количество друзей резко увеличилось, так что к месту устремились и любопытные, и желающие высказать дружеские чувства.

Милиция. Ожидание. Народу много, но все делают вид, что просто так мимо проходят, мимо стоят – никаких символов подобострастия по отношению к царственным особам. Вдруг некто из дээсовцев вышел и стал внаглую все фотографировать. Штатские милиционеры бегом к нему, он бросил фотик Сидорову – и бежать, Сидоров аппаратик мне подкинул.

Я был тогда неопытен и вместо того, чтобы затаиться, тоже кому-то передал палочку-выручалочку и рванул на проезжую часть. В результате я, поэт Санников, Витя, некий казачок-монархист и некая девушка попали в участок.

Помню, что я беседовал с казачком о буддизме. А Витя сидел в соседней комнате и громко возмущался, стуча в дверь: «Почему в камере разнополые?» В конце концов нас всех выпустили.

На месте Ипатьевского дома потом воздвигли монумент, напоминающий молодогвардейцев, храм и подворье.

Владимир Кузьмин

О Махотине

Познакомился я с Витей Махотиным в 1987, а может, уже в 1988 году (зима была) на одной из выставок неформальных, как их называли в разгар перестройки, художников.

Я там встретил своих знакомых, и мы остановились как раз напротив одной из Витиных работ, делаясь впечатлениями от выставки. В это время откуда-то сбоку появился слегка разлохмаченный невысокий человек, явно пребывающий в отличном настроении. «Вам нравится? – осведомился он. – Это я рисовал. И вот это я, и вот там две висят – тоже мое. И вообще, поехали все ко мне!» От неожиданности такого предложения я опешил, но согласился, потому как вижу: стоит человек, радуется жизни в полный рост, радуется людям и при этом очень к себе располагает. Ну как не пойти в гости к такому человеку? А компания, с учетом того, что Витя был очень даже не один, получилась внушительная. Поместиться в одно авто было никак нельзя, и он предложил «раздвоиться». На деле же пришлось даже «растрояться», и потому как закон был совершенно сухой в те времена, каждая из групп заезжала домой к кому-нибудь из компании, у кого чудом подзадержался дома алкоголь после отоваривания талонов, а у одной девушки даже нашелся толстый кусок мяса, который потом всю ночь пекли в духовке.

Витина квартира на улице Ирбитской удивительным образом напоминала своего хозяина: такая же разлохмаченная и веселая. Над кроватью вместо ковра большое расшитое красное знамя, разные картины по стенам.

Больше всего мне понравился смешной портрет Ленина. «Хочешь, я тебе его подарю?» – спросил Виктор. Я опять растерялся от неожиданности и стал говорить, что, наверное, лучше как-нибудь потом. «Ладно, потом», – легко согласился он. Витя вообще по этому поводу совершенно не переживал: нравится человеку картина – пусть владеет и любит. Иную работу раз десять мог подарить: перевернешь, а на обороте – целый список владельцев.

Кстати, еще о вожде мирового пролетариата: была у нас с Махотиным одна общая черта в смысле внешности. Друг с другом мы не были похожи, но сходство с Лениным у обоих было налицо. Однажды мы даже поспорили, у кого это сходство больше, апеллируя к присутствующей общественности, и когда мнения разделились, Витя сказал, что у него сходство натуральное, а я, наверное, брачный аферист и похожесть свою наверняка подделываю для того, чтобы вводить в заблуждение каких-нибудь гражданок. Такой пассаж крыть уже было нечем, и я сдался. Махотин вообще любил разные неожиданные аргументы, а когда кто-то пытался спорить серьезно, он просто говорил «а мне по фиг!» – и при этом обезоруживающе улыбался.

Однако в некоторых ситуациях Витя умел быть очень ос-

новательным. Вот, например, когда он заведовал выставкой на Ленина, 11, в один из (примерно) летних дней там произошел пожар, точнее не пожар, а просто по какой-то причине где-то в углу что-то задымилось. Вышедший на крик Виктор быстро оценил обстановку. Тут же был создан штаб по тушению пожара, начальником которого он назначил себя, а вошли в него лица наиболее ответственные из постоянно присутствующих на выставке завсегдатаев.

Был составлен план эвакуации посетителей, а также нарисован маршрут доставки воды от ближайшей колонки, так как в здании не было водопровода. Нести воду поручили самому крепкому из присутствующих. Еще между колонкой и зданием находилась большая лужа, через нее надо было перебросить доски, их как раз можно было раздобыть где-то неподалеку. И для этой задачи тоже были выделены люди. В общем, учтены были все детали, и каждому нашлась работа. Правда, когда план был готов, выяснилось, что кто-то уже принес воду и ликвидировал возгорание.

На самом деле Витя, конечно, знал, что за водой уже побежали и что все будет нормально. Может быть, другой на его месте выглядел бы озабоченным и серьезным, а вот Махотин просто еще раз повеселился, потому как не любил он быть серьезным даже в неприятных ситуациях.

Он был светлым человеком и жил легко, и ушел из этой жизни тоже легко. Можно скорбеть, что его нет больше с нами, но лучше, я думаю, радоваться тому, что этот человек

с нами был и оставил в нашей памяти свой оптимизм и свое тепло.

Вячеслав Курицын

Эффект места

Махотин создавал места. В музее Свердлова, в деревянной башне на Плотинке, на Станции вольных почт – само собой. Он создавал вокруг себя места силы, организовывал пространства, в которых множество людей чувствовали себя хорошо и в которых происходило большое количество других важных вещей, связанных с функционированием искусства (от создания до торговли), но главное – это все же эффект места. Города в результате состоят ведь из мест. Свердловск – Екатеринбург моего времени – во многом город, созданный Махотиным. Махотин внешне походил на домового – не случайно.

Истории про Махотина

История первая ... Я поехал на улицу Ирбитскую проводить художника В. Ф. Махотина, который, по слухам, сломал ногу и не говорит как.

Слух подтвердился: Махотин оказался натурально в гипсе и на костылях и очень забавно прыгал на одной ноге. Вторую он сломал в борьбе с ночными хулиганами.

Художник выглядел очень довольным, урчал, чесал брюхо и говорил, что теперь может на законных основаниях пить с утра до вечера чай, есть бутерброды с маслом, смотреть телевизор и ни черта, как это у художников принято, не делать.

Я ему позавидовал...

Вторая история связана с монархистами. Дело в том, что семья самодержца была расстреляна почти в центре сегодняшнего Свердловска, и на месте расстрела, на месте то есть дома, в коем протекало мероприятие (очень кстати именно у этого дома встречаются улицы Карла Либкнехта и Якова Свердлова), каждое лето, в ночь с 17 на 18 июля, происходит панихида по убиенным. В этом году на панихиду собралось особо много народа, и проходивший мимо сержант Родионов (совпадение его фамилии с фамилией известного генерала аукнулось еще и тем, что в день обсуждения на съезде народных депутатов тбилисских событий мы с Александром Иванченко сидели на скамейке в 50 метрах от места расстрела, и Александр сказал: «О чем думает голова, когда ее пробивают саперной лопаткой, – вот о чем надо писать...»), этот сержант Родионов заметил нелады, звякнул в отделение, и возникший через минуту отряд милиции особого назначения, только что созданный и рвущийся в бой показать свою незрешность, в несколько минут очистил территорию от неомонархистов, действуя, однако, не дефицитными саперными лопатками, а сапожками, дубинками и ребрышками ладошечек.

Было арест... задержано несколько человек, в их числе поэт Андрей Санников и литератор (потом кришнаит) Андрей Козлов. Их, однако, отпустили, вручив повестки в суд, и вот шестерых других – поэта Тягунова, художника Махо-

тина, тенора Гомзикова, членов ДС Верховского и Пашкина, а также молодого пономаря, фамилии которого, к сожалению, не знаю, — этих куда-то увезли и, что называется, посадили. Аки репку. Опытные дээсовцы мгновенно измерили камеру, определили, что не соблюдены нормативы, и вся компания объявила голодовку. Уж не помню, что они там еще объявляли, но хорошо помню день, на который было назначено разбирательство. Нас, встречающих, собралось изрядное количество у зала суда, многие были и незнакомы, мы держались группками, несколько порознь. Омоновцы же стояли у своего автобуса довольно плотным кольцом. Кое-кто из наших подходил к ним, Шурка Жыров одного даже пощупал, поговорил с ним и пришел к выводу:

– Ты ж вроде нормальный парень, как бы человек, как же ты мирных людей бить можешь...

– А работа такая, — маслено ответил омоновец и длинно выпростал, облизываясь, хорошо тренированный язык.

Привезли в коробке монархистов. Давненько не видывал я людей с такими счастливыми физиономиями. Они с гордостью похвастались документами: с боем вырванными справками о телесных повреждениях, полученных в процессе задержания.

Но особо лоснился поэт Тягунов — у него, наряду со справкой о телесных повреждениях, была справка о том, что в процессе задержания была разодрана в клочья поэтова трудовая книжка.

Я уж не говорю о том, что поэт, идущий на молебен с трудовой книжкой в кармане, достоин твоего, Валера Исхаков, пера. Кайф в том, что была эта книжка полна такими записями, с какими не берут на работу даже в котельную. Теперь же он имел шанс на получение чистой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.